

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

ОПАСНЫЕ ТРОПЫ

РЯДОВОЙ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

18+

Владимир Стрельников

**Опасные тропы. Рядовой
срочной службы**

«Автор»

2023

Стрельников В.

Опасные тропы. Рядовой срочной службы / В. Стрельников —
«Автор», 2023

«Опасные тропы. Рядовой срочной службы» – фантастический роман Владимира Стрельникова, входит в цикл «Земля лишних», жанр боевая фантастика, попаданцы. Любой, кто прожил хоть сколько-нибудь осознано, понимает, что в жизни может быть всякое. И хорошее, и плохое. Но чтобы хорошего было больше, надо основательно потрудиться. Причем не факт, что вам не придется бросать нажитое хорошее, и не бежать сломя голову от серьезных опасностей. А так же, никто не сможет вам гарантировать, что именно вам не придется брать в руки оружие, защищая то, что вы создали хорошего. Вашу семью, вашу страну, вашу жизнь. А защищать свое лучше с товарищами, принявшими вместе с вами присягу. И пусть вы пока солдаты срочной службы, но вы уже на страже Родины.

© Стрельников В., 2023

© Автор, 2023

Владимир Стрельников

Опасные тропы. Рядовой срочной службы

Атласабад. Узбекистан

12 сентября 2006 года, среда, пять часов утра

Муэдзин, как всегда, вовремя. Разбудил меня пятнадцать минут назад. Каримов уже несколько лет как запретил использование звукоусилителей при призыве правоверных на намаз, так наш и одной глоткой справляется. Зевнув, я поглядел на циферблат российских часов, которые мне подарил в прошлом году отец. Как раз на шестнадцать лет. Да, неплохо мы с ним тогда время провели. И почему его вторая жена так меня ненавидит? Настолько, что не позволила отцу на похороны матери приехать этой весной? Не знаю. Впрочем, я к этому уже привык. Когда десять лет из прожитых шестнадцати живешь с матерью, то как-то привыкаешь. Знаешь, что где-то далеко есть отец, есть еще родные, хоть и наполовину, но сестры. Симпатичные девчонки и, в отличие от своей матери, незлые. По крайней мере, иногда СМС друг другу перекидываем. Впрочем, малявки они совсем, Ленке десять, а Маринке двенадцать лет.

Думая об этом, я неторопливо шел вдоль высоких дувалов махали. За заборами всю кипела жизнь, копошились хозяйки, разжигая очаги и готовя завтраки для многочисленных семейств. Подметали старые, выщербленные тротуары невестки соседней, с которыми я здоровался. Многие из них чуть меня старше, на год или два. Снова узбеки начинают девушек замуж выдавать, едва школу закончат. Впрочем, сейчас по-другому никак. Бедно живем, очень небогато. Не все, правда, вон, одноклассница моя, Сайора, живет очень хорошо, но у нее отец шишка в районном масштабе, чем-то связанным с газом занимается.

Подойдя к синим, слегка обшарпанным воротам, я негромко постучал. Громко не надо – Джульбарс, старый лохматый пес, хлеб ест совсем не зря. Вот и сейчас он гулко, трижды гавкнул, вскоре с той стороны лязгнул засов, и небольшая калитка со скрипом открылась.

– Салам аллейкум, Гульсиной-апа, – поздоровался я с пожилой, лет пятидесяти, хозяйкой дома. – Зухра, доброе утро.

Собирающая веником на сбрызнутом водой бетоне листья молодая женщина в национальном платье из хан-атласа мне коротко кивнула, а пожилая хозяйка тепло улыбнулась.

– Ваалейкум ассалам, Леш. За катыком пришел?

Хорошая тетка Гульсиной-апа. Добрая, не крикливая. И молоко у ее коров хорошее, из него великолепный катык получается.

– Да, вот возьмите, – я протянул банку и деньги. Пока хозяйка бегала на веранду за сквашенным особым образом молоком, я прислонился к воротам с обратной стороны и глазел по сторонам. Что мне очень нравится в узбеках – они любят во дворах чистоту и порядок. Весь двор выметен усилиями Зухры, виноградник аккуратно обрезан, пара персин и черешня выбелены. Красиво. Джульбарс неторопливо подошел ко мне, ткнул лобастой головой в бедро. Привычный ритуал, я почесал ему за ухом. С этим старым барбосом я уже годов десять знаком, с тех самых пор, как меня мать самого утром начала отправлять за кислым молоком.

– Зухра, у тебя индоутки мешок с кукурузой рвут! – Я обратил внимание на здорового белого селезня, сумевшего разорвать в углу мешок с зерном и сейчас торопливо его глотающим.

– Вай, кутингиске! – Невестка веником прогнала наглеца и теперь собирала зерно ладонями.

– Шайтан! Надо из него шурпу сварить. Доброе утро, Леша! – Мне пожал руку вышедший во двор и зевающий во всю глотку Рахим, сын Гульсиной-апы и муж Зухры. – Как жизнь, в Россию не собираешься?

– Кому я там пока нужен, Рахим? Сначала хоть вырасти надо, к восемнадцати, может быть, поеду. Как раз в армию.

Не знаю, какие порядки в российской, но в узбекской армии вообще кошмар. Вернулся на днях соседский парень, много чего веселого рассказал.

– Не приходили из собеса? Опять в детдом не звали?

Как умерла мать, ко мне трижды приходили из здешней конторы, которая за детьми следит. И, по-моему, были даже рады, что я отказался. Мне скоро шестнадцать, небольшую денежку на прожиток пересылает отец, дом все еще наполовину принадлежит ему, так что меня оставили в покое. Участковый приходит изредка, пару раз в неделю. И то потому, что живет через пять домов от меня.

– Наверное, через неделю придут. У них график, по-моему.

– Наверное. Ты как, на рыбалку сходить не хочешь? Бензин с меня. – Рахим хитро усмехнулся. Ну еще бы, старенький «Вихрь» жрет топливо, как не знаю кто. Но лодку и мотор я продавать не хочу, она у нас, точнее, у меня, еще с тех, советских зажиточных времен осталась. А вот у Рахима порой есть канистра-другая сэкономленного и честно зажиленного бензина.

– Хочу. Давай послезавтра, с утра пораньше, до школы. Вечером соберем рыбу. Где сети поставим?

Наш поселок вроде как на небольшой речке. Правда, есть пара разливов, до которых по дороге не доедешь, а на лодке можно. Туда, в принципе, и на веслах можно, но долго, а вот обратно только на моторе, течение сильное. Тут до Ташкента далековато, рыбу везти невыгодно. Да и дорога три раза через казахскую территорию проходит, невозможно провезти рыбу и остаться в прибыли. И потому здесь браконьерим только мы, из-за чего рыба есть, и неплохая: крупный толстолоб – не редкость, да и сазан или сом встречаются. Люблю я рыбалку и на лодке очень люблю ходить. Жаль, сейчас все реже и реже.

Тем временем хозяйка вынесла мне литровую банку кислого молока, настолько плотного, что ложка куски срезала, оставляя следы. Так что я поблагодарил, попрощался, еще раз согласовав время рыбалки с Рахимом, и пошел в пекарню. Надо пару свежих лепешек купить.

Купил три, благо в кармане денег побольше оказалось, и сейчас спокойно шел домой, неторопливо отламывая горячие куски от душистой белой лепешки. Хорошая мука в этой пекарне, из Казахстана напрямую возят. Наша мельница серую выдает. Говорят, не хватает какого-то цикла, какого – не знаю.

Зайдя во двор, я поглядел на бочком подходящего ко мне бойцового петуха. Сунул руку в карман, вытащил пригоршню жареных семечек и присел на корточки.

– Петя, Петя.

Петух горделиво подошел и начал аккуратно выклевывать семена подсолнуха у меня с ладони. Наше привычное утреннее действие. Как год назад к нам во двор забрел молодой петушок, так с тех пор и остался. Я с матерью спрашивал – чей, но никто из соседей не знал, откуда он прибрел. Вообще, поселок достаточно большой, восемь тысяч человек живет, за каждым цыпленком не углядишь. Так и прижился Петя у нас и вымахал в здорового бойцового петуха, длинношеего и длинноногого. Теперь даже коты стороной наш двор обходят, пару раз я выбросил со двора забитых насмерть и расклеванных огромных крыс. У нас-то им делать нечего, а вот у соседей через дувал приличный склад продовольствия в сарае, торгуют мукой, рисом, кукурузой. К ним эти серые и навевались, даже тропы протаптывали. Теперь нет вообще. У соседей есть, а к нам даже носа не кажут.

– Ладно, сейчас вам зерна насыплю и сам завтракать пойду.

Зайдя в сарай, выгреб из алюминиевой фляги мерку зерна, высыпал курам в кормушку. Дробленка кукурузы и пшеницы, самое дешевое, что есть на рынке. Зимой придется кукурузу чистую покупать, чтобы куры неслись, а пока хватает. Взял охапку уже подсохшего клевера, бросил в курятник. По двору у меня имеет право гулять только петух, остальные сидят взаперти. А то курочка по зернышку клюет – весь двор в дерьме.

Газа опять нет, поэтому разжег во дворе печь. Надоело уже, постоянно, неделями отключают газ. Экономят, огромное количество газа уходит в Китай, для узбекской провинции его почти не остается. Сейчас еще ничего, теплынь, а зимой может быть кисло. Ладно, у меня одна левая розетка есть и старый электрический масляный радиатор еще советского производства. Не замерзну, не первая такая зима.

Быстро вскипятил чайник, пожарил яичницу, сорвал с куста пару помидорок. С мясом туго, но если удастся рыбалка, то фарша накручу. Котлет нажарю, может, пельменей сделаю. От этих мыслей вообще сильно есть захотелось, и потому зарубал все, что было на столе. А потом с полчаса сидел и неторопливо пил чай, откусывая от кускового сахара маленькие кусочки и заедая лепешкой. Так и подъел все, они-то вроде как большие, объемные, но пышные, легкие. Зато хорошо позавтракал, а на обед нужно до хлебокомбината пройти, купить буханку свежего. Хлеб сероват, похож на ржаной, но вкусный.

Вообще хорошо днем. Девчонки ходят, пусть абсолютное большинство и узбечки, но все равно симпатичные, солнышко светит, люди говорят. Это по ночам тоскливо, хоть волком вой. Ладно, антенна спутниковая, смотрю российские каналы. И старенький компьютер, правда, интернет дохлый-дохлый. Да и дорогий он здесь. Знакомый сказал, что только из-за интернета стоит в Россию переехать.

И соседка иногда вечерами заходит. Не ко мне в дом, а в баню, у нас там дверь есть. Никто не знает, откуда она, обычно ей и не пользовались до материной смерти. Дом-то нам с соседями достался от строителей, они тут неподалеку военный аэродром строили. Наверное, одну баньку на двоих сделали и сообща пользовались. Ну, а мы с соседкой... в общем, там мы сексом занимаемся.

Это после сороковин началось, когда дома убирался и готов был на стенку лезть от боли в сердце и тоски, случайно соседка зашла помочь. Алсу Расимовна, тридцатидвухлетняя сероглазая и светловолосая казанская татарочка, вдова уже года четыре. Работает в нашей школе учителем русского языка и литературы. Худенькая стройная женщина, со спины подумаешь, что девчонка.

И как-то так вышло, что лишился я с ней девственности, о чем сейчас ни грамма не жалею.

Она ко мне буквально на пару минут зашла, посуду забрать. Когда наклонилась, то в вырезе платья я увидел небольшую, но красивую грудь, и так и стоял, смотрел. Дыхание, как говорится, сперло, красивая женщина рядом, я стою, боюсь лишний раз вздохнуть. А она перехватила взгляд и улыбнулась.

– Извините, Алсу Расимовна. – Я вспыхнул и отвернулся, для того в основном, чтобы скрыть колом стоящие шорты.

– Леша, глупый. – Две тонкие руки обняли меня со спины. Я почувствовал, как к спине прижалось упругое женское тело, в душе вообще гормональный шторм начался. – Повернись ко мне.

– Алсу Расимовна, я... – обернувшись, я попытался что-то сказать и объяснить, но мне на губы лег тонкий палец.

– По-мол-чи! Просто стой молча, хорошо? – И женщина гибко опустилась передо мной на колени, потянув завязку шорт. От неожиданности я даже глаза закрыл и только чувствовал, как умелые и нежные губы и сильная рука ласкают мой, такое впечатление, что дымящийся, член. Развязка вроде как наступила почти мгновенно, и вот уже соседка, улыбаясь, смотрит на меня

снизу вверх, опираясь на мою руку, встает, облизывая губы. – Только об этом никому, понял? И вечером открой дверь в предбанник, в десять часов. Это был аванс, будешь расплачиваться. – Соседка ушла, прихватив тазик с посудой. А я так и стоял минут двадцать со спущенными штанами, пытаюсь отдышаться и прийти в себя.

– Алсу, – я едва не назвал ее по имени-отчеству вечером после того, как она меня основательно покрутила. Точнее, работал в основном я, молодая женщина указывала, показывала, отдавалась и трахалась, трахалась, трахалась, получая наслаждение. – Но почему? Почему я?

– Потому что ты молодой красивый парень, Леш. А я молодая женщина, и мне хочется ласки. Знаешь, я даже завидую той девчонке, с которой ты будешь заниматься любовью.

– А мы сейчас чем занимались? – Я нерешительно погладил ее по крепкой груди с острыми сосками. Но Алсу выгнулась, как кошка, взяла мою руку и провела ей вниз по телу.

– Мы сейчас здорово потрахались, Леш. Очень здорово. А любовь – это когда к тому, что ты трахаешься, прибавляется лунный свет. Поймешь, наверное, со временем. У тебя еще все впереди. – Соседка вскочила с полка, накинула халатик и, чмокнув меня в губы, исчезла за дверью.

С тех пор мы любовники. Жаль, что нельзя нам в доме, остальные соседки каждый ее шаг пасут. Еще бы, у нее в официальных любовниках один из наших местных богатеев, хозяин пары мясных магазинов. Жена у него затюканная, сам гоголем по поселку ходит. Точнее, ездит на белой «нексии». И пару раз в неделю вывозит соседку в уездный город, в ресторан, а потом в номер тамошней гостиницы. Откуда я это знаю? А Алсу Расимовна ко мне раза четыре в неделю, а то и каждый день вечером в дверку ширк, и у нас в предбаннике трах-тибидох происходит. Заодно плачется о жизни, о том, как тяжело жить вдове. А что, ни одна душа, кроме нас, про эти двери не знает, дочь у соседки в это время уже спит, Алсу отдых и мне разрядка, хоть о вечном стояке думать не приходится. Хотя вру, гормоны бурлят. Но все же полегче.

С Алсу и со мной на днях прикол был. Стоит она передо мной на коленках, стонет, и тут ей по телефону этот мужик звонит. Алсу берет телефон, приказывает мне остановиться, но не вынимать, и отвечает. Мужик ей – мол, собирайся, заеду, отвезу тебя на канал, душа романтики просит.

А Алсу на него как полкана спустила. Ты мол, такой-сякой, время видишь сколько? Я девочку ночью одну не оставлю, и т. д. и т. п. Отлаяла его и командует мне продолжать. И что-то ее этот звонок задел, она мне все душу вытрясла, злая, как чертиха, не я ее трахаю, а она меня. Четыре раза на меня залазила, в четвертый раз с меня без сил упала. Ушла по стеночке, молча. С тех пор ее второй день нет. Не, днем-утром все нормально, здороваемся, разговариваем, она улыбается, но вечерами не приходит, хотя месячных у нее еще не должно быть, не время еще.

Ладно, пора в школу. Заткнув пару учебников и общую тетрадь сзади за пояс джинсов, я вышел из дома.

15 сентября 2006 года, суббота, два часа пятнадцать минут, скоро утро

– Не, Рахим, я тут спокойно докачу. Не переживай!

Я выгрузил «Вихрь» и улов, три крупных толстолобика и пару хороших сазанов в свою тачку, которую оставил у знакомых в магазине. Они и ночью водочкой или пивом приторговывают, я их периодически рыбой снабжаю. Спиртное-то я не пью вообще, матери пообещал, а вот шоколадку порой или пакет с сахаром я у них в ларьке беру. Вот и сейчас оставил хорошего усача, Исмаил-ака очень любит именно усачей, балдеет он от этой рыбы. Я бы и сам, конечно, от вяленого усача не отказался, но тут никуда не денешься, если нет денег, то нужно крутиться.

Оставив единственный качающийся фонарь позади, я впотьмах, в освещенном только светом луны и звезд проулке неторопливо толкал свою тележку. Тяжеловато, но я парень здоровый, а свой груз не тянет. Дорогу знаю практически наизусть, не первый и не двадцатый

раз здесь тачку толкаю, каждую выбоинку успел изучить. Так что топаю потихоньку. Тишина, собаки изредка брешут, и вдалеке на пределе слышимости тепловозы гудят.

Проходя мимо бросающего из окон свет дома одноклассницы, больше похожего на замок, я было удивился тому, что они не спят. Празднуют, что ли?

Тут калитка в воротах распахнулась, грохнув об стену, и из нее выскочила Сайорка. Выбежав со света в темноту, сослепу запнулась об мою тачку и, взвизгнув, упала через нее.

– Сайора, ты чего? – удивился я здорово. Но удивлялся недолго, из калитки выскочил парень с женским чулком на голове и со здоровенным тесаком в левой руке. Рванул было к Сайоре и нарвался на мой хук правой в челюсть. Хорошо нарвался, чистый нокаут. Так кулем и рухнул под ноги.

– Что это было? – снова повернулся я к девушке. Красивой, надо сказать, девушке. А сейчас вообще эффектной, в коротких шортиках и топике. Но та вместо ответа всхлипнула и осела на землю. А из ворот выскочил еще один тип, тоже в чулке. Ну да, я много-то не шумел. Вот только у этого арматурина была с приваренной крестовиной. Так что мне пришлось схватить из тачки свой багорик и шагнуть вперед. Тут и немного светлее, и девчонка под ногами не путается.

Тип, недолго думая, попробовал меня навернуть своей железкой с богатырского замаха, но я шагнул влево, ловя арматуру на древко и уводя удар в сторону, а потом резко, тычком тупой стороны ударил его в солнечное сплетение. И практически тут же всей своей тяжестью и обеими руками – середкой древка по макушке. Тип молча лег у моих ног. Надеюсь, что живой, а то у меня с перепуга сердца ходуном заходит.

– Мама! – Моя одноклассница вскочила и рванула во двор. Ну, а я за ней, эти, похоже, пару минут полежат.

Сайорка взлетела по лестнице и отлетела вниз от сильного удара по лицу. А я с ужасом увидел блеснувший ствол пистолета, который вытягивал из-за пояса еще один хрен в чулке, и длинным выпадом ударил его острием гарпуна в пах. Единственное место, куда я уверенно дотягивался. И попал, хорошо попал. Аж чвакнуло, а чулкоголовый с негромким воем схватился за причинное место, где сейчас торчал мой багорик.

Сайорка вскочила и длинным прыжком через пострадавшего грабителя, наверное, махнула в дом. А я подобрал пистолет (пневматика, чтоб его!), отбросил его в сторону и затащил во двор обоих налетчиков. Содрал чулки с голов и ими же стал вязать. Какие-то незнакомые молодые узбеки, годов по двадцать пять. Оба живы, особенно тот, который на мой хук нарвался. В себя приходить начал, так что я ему в пасть сорванную с веревки тряпку засунул. Ничего, главное – все живы, а Абдуразак-ака здесь человек не из последних, богатый, уважаемый, пусть он с милицией объясняется.

Подойдя к третьему, я поглядел на окровавленные руки, которыми тот, скуля, прикрывает свои причиндалы. Похоже, что-то я ему все-таки пропорол. И сдернул с него чулок.

– Ибрагим!

Млядь! Как же я попал! Это же младший из сынов нашего районного райса! Ходили слухи, что он в дурной компании обретается, анашой балуется. Но что такое может быть – мне и в страшном сне не могло присниться.

Я, несколько ошалев от нахлынувших в голову вариантов, главный из которых – бросить все и валить в Туркмению и пробовать через нее перебраться в Россию, не обратил внимания на вышедшую из двери девушку. А та коротким и сильным ударом топорика с мерзким, глухим звуком пробила Ибрагиму висок.

– Ты чего? – Я подскочил к девчонке и, схватив за руки, потрянул, отчего топорик отлетел в темноту. – Ты что сделала, дура?!

– Не ори, соседи спят! – Злой, шипящий, как у кобры, голос Сайорки привел меня в чувство. – Они убили отца и мать, братик без сознания. Так что не надо. – Тут девушка гля-

нула случайно на растекающуюся из-под расколотого черепа кровяную и, схватившись за горло, согнулась в рвотных спазмах.

А я лихорадочно думал, что делать. Раис района вроде как белый и пушистый, но только вроде. Он Каримову дорогу не перебежал, особо в политику не лез, но про него нехорошие слухи ходили. И про исчезнувших в пустыне конкурентов, и про сгоревший завод, который он не смог к рукам прибрать. А за сына он вообще и мой, и Сайоркин дом спалит вместе с нами, если узнает.

– Что молчишь? – девушка пришла в себя и уже даже умылась под небольшим фонтанчиком.

– Думаю. Если Салиев узнает – нам точно не жить.

Мне не хотелось умирать, честно. Очень хотелось жить и жить на свободе. А если Абдуразак-ака погиб, то кто мне поможет?

– Так это Ибрагим? – девушка глянула в залитое кровью лицо, с трудом снова справилась с тошнотой. – А с этими что делать?

– Ты иди, погляди, как братик, собери свои вещи, только маленькую сумку, собери все золото, драгоценности, деньги, документы. Никому не звони и не связывайся по интернету! Беги!

Мне было жутко до дрожи в коленках, но я уже понял, что никогда не буду прежним. Поглядел на нахмурившуюся девушку, решительно кивнувшую мне и побежавшую в дом, а сам подхватил свой багорик. Острие у него длинное и достаточно острое, сам из арматуры отковал. Пойдет вместо пики.

Очнувшийся бандюк, мыча и суча ногами, пытался отползти, но уперся в стену спиной и только попытался дернуться, когда я изо всех сил всадил ему пику чуть ниже горла. Меня самого чуть не вывернуло от хрипа и запаха крови и дерьма. Но деваться мне было некуда, оставлять свидетеля – смертный приговор, да и не я первый напал. Если бы не мой удар – лежать бы мне с выпущенными кишками. А потому я выдернул из него острие багорика и коротким ударом пробил висок так и не пришедшего в себя второго налетчика.

– Братик... Санджар... он умер, – волоча по земле сумку, ко мне подошла чуть живая, бледная как стенка девушка. – Он умер, Леша. Они все умерли!!! – и, уперевшись мне в грудь, заревела.

Но была тут же успокоена моей хлесткой пощечиной.

– Не сейчас! Пошли ко мне домой, там наревешься! Твои отец и мать точно не хотят, чтобы тебя нукеры раиса замучили! – Вот в чем я ни разу не сомневался, так это в том, что легкой смерти нам не видать. Восток – не то место, где мстят коротко.

– Успокойся! Сайора, или мы сейчас выживем, или сдохнем. Нехорошо сдохнем! Собрись, подруга!

Девчонка поглядела на меня ошалевшими глазами, держась за щеку. Медленно кивнула, как будто соглашаясь со своими мыслями, и поглядела мне в глаза.

– Леша, можно я попрощаюсь? Я же их больше никогда не увижу. – На меня смотрели огромные темно-карие девичьи, умоляющие глаза.

– Три минуты. Всего три минуты, Сайора. Время пошло!

Я подошел к закрытым воротам и выглянул в проулок. Сзади глухо упала на землю сумка, хоть и относительно небольшая, но тяжелая. Легкий топот девичьих ног. Блин, повелся на девчачьи глазки, недоумок. Сейчас не об этом думать надо.

Впрочем, в проулке тихо. Вообще тихо в поселке, собаки только гавкают. Неподалеку засвистела совка.

– Точно к смерти. – Меня передернуло. Вообще, меня сейчас не то что знобило, а аж колотило, и зуб на зуб не попадал. Это что, отходняк такой? Так рано, еще смыться отсюда нужно.

Тихонько стукнула притворяемая пластиковая дверь, еле слышно скрипнула поворачиваемая ручка.

– Что будем делать, Леша? – Сайорка, очень серьезная, чуть приведшая себя в порядок, с собранными в роскошный хвост волосами, подобрала сумку и подошла ко мне. – Может быть, поедем на машине? – Девушка кивнула на светло-серый паркетник.

– Как далеко мы проедем? Через границу все едино на машине не проскочим, да и на любом посту тормознут. Кроме того, я очень плохо вожу автомобили. А ты? – Сайора отрицательно покачала головой. – Тогда так. Сейчас идем ко мне домой. Оттуда ты с мобилы коротко позвонишь дяде в Ташкент и тут же разберешь мобильник и снимешь аккумулятор. Сейчас никому вообще не звони. Держи! Только не стучи им по забору, а то ты любишь палкой по ограде провести. – Я протянул однокласснице свой багорик. Оставлять улику против себя не стоит. Пневматический пистолет тоже подобрал и бросил в тележку.

– Леш, все равно здесь собак нет, – грустно улыбнулась девушка, закрывая калитку на замок. Подошла к подхватившему тележку мне и пошла рядом. – Кстати! Нас с собаками по следу не найдут?

– Ты забыла? Тут же через пару часов стадо коровье прогонят. Все затопчут и загадят. Сама же всегда жалуешься, что утром спать не дают, а отец коровьи лепешки от ворот откидывал. Да и откуда здесь служебные собаки? А пока из Ташкента привезут, все следы исчезнут.

– Да. Дура была. – Девушка отвернулась, прикусив кулачок, чтобы не расплакаться, но все равно ее плечи вздрагивали.

– Главное – нам выжить. Мне очень жаль твою семью, но тебе нужно жить и держаться! – Блин, как сухо и официально это звучит. Но что сказать еще, не знаю.

Сайорка промолчала, и так мы потихоньку шли до моего дома. Пошарив рукой через забор, я откинул засов и пропустил девушку впереди себя.

– Проходи, Сайора. Поднимайся наверх. – Я поставил тачку в угол, а сам повел девушку туда, куда с трудом заставлял заходить себя по субботам, чтобы убраться. В материну комнату на втором этаже.

– Вот. Будь здесь. Кровать заправлена чистым, если хочешь, ложись отдыхать. Туалет внизу, ванна тоже, но вода только холодная, я обычно в баньке моюсь. Если хочешь, я принесу пару ведер теплой воды. – Пропустив девушку вперед, я поставил ее сумку около кровати. – Извини, тут ни телевизора, ни компьютера. Точнее, комп у меня есть старенький, но он стационар и в моей комнате.

– Ничего, Леш, спасибо. Мне бы поспать сейчас. Но сначала помыться. Я до сих пор себя грязной чувствую. Перед тем как я вырвалась, они меня всю облапали. – На ресницах у девушки снова задрожали слезы, а я только теперь заметил под топином Сайоры наливающуюся краснотой ссадину. И на бедре тоже.

– Сейчас принесу воду, помоешься и ложись спать. Меня не жди, мне еще рыбу разделить надо. – И я вышел из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь. Внизу подхватил два не новых, но чистых оцинкованных ведра, принес горячей воды в ванную комнату, которую практически никогда не использовал по назначению, привел туда девушку, а сам пошел чистить и разделять улов. Мало ли что произошло, если я сейчас рыбу не вычищу, на куски не порежу и часть не засолю, а часть в холодильник не суну – все пропадет. Да еще Алсу нужно рыбки отнести, у нее дочка любит жареную рыбу.

15 сентября 2006 года, суббота, девять часов утра

– Ну что, Леш? Я звоню? – у Сайоры побелели пальцы, сжимающие корпус недешевого мобильного телефона. У меня-то простенькая «Нокиа 3310». Дубовая, надежная.

– Звони, – кивнул я. – Только недолго.

Девушка кивнула, нажала кнопку вызова и после заспанного ответа затараторила по-узбекски, захлебываясь слезами, которые ручьем потекли у нее из глаз. Но говорила недолго, после чего нажала отбой и протянула телефон мне.

– Леш, отключай сам, у меня руки трясутся. – Всхлипнув, она высморкалась в насквозь промокший платок, а потом снова разревелась, упав на кровать. Я поглядел на ревущую девочку, почесал затылок и сходил в кладовочку, где у меня стояла пара бутылей с виноградным вином. Сам жал, сам готовил. Может, вино хуже, чем у французов или итальянцев, но очень вкусное получилось. И темно-темно-бордовое, густое. Да еще очень сладкое.

Поднявшись наверх, я налил полный стакан и протянул его Сайорке:

– Пей!

– Ты чего, Леш? – утирая нос, пробормотала девушка. – Я не хочу!

– Пей, тебе это как лекарство. Прореветься ты уже проревелась, теперь хоть выспишься. А то на свою тень сейчас похожа. Пей! – я вложил стакан с вином в руку девушки.

Та недоверчиво попробовала, удивленно причмокнула и, чуть морщась, выпила все.

– Какое вкусное, кто его делал? И пьяное, – Сайора качнулась, пытаясь встать.

– Ты давай ложись. – Я уложил ее в кровать, задернул занавески. От стакана вина захмелеет, но не будет пьяной вроде бы. Я-то с алкоголем вообще ни в каких отношениях не состою. Маме же пообещал вообще не пить, вот и не пью. Вино делал, чтобы пацанам было что на свой день рождения поставить. Так у меня он еще когда будет, дожить сначала надо.

Закрывая дверь, окинул Сайорку восхищенным взглядом. До чего все-таки красивая девушка моя одноклассница! М-да, а ведь школа, по крайней мере – здесь, у нас точно кончилась!

Через полчаса возле дома Сайоры, к моему огромному удивлению, остановилась целая кавалькада машин, среди которых был черный «мерин» нашего райса. Не понял я, ведь Сайора звонила своему дяде? Он ее что, сдал?

Один из микроавтобусов подъехал задом к дувалу, и через высокий забор перемахнул шустрый парень. Впрочем, буквально через минуту он перелез обратно. Ну да, Сайора закрыла двери на ключ, а что калитка, что ворота хоть и из дерева, но сделаны очень серьезно.

Парень подошел к райсу и что-то негромко сказал. Салиев взвыл, схватившись руками за голову. Окружающие его люди стояли молча.

Мимо моего двора проехали старый милицейский уазик и «нексия» прокуратуры. Остановились возле машины райса, из уазика вылезло наше милицейское начальство, а из «нексии» – молоденький узбек в цивильном. Подошли к райсу, поздоровались.

– Вот так. Вот тебе и дядя, Сайора. Похоже, сдал он тебя. – Девушка просила дядю приехать сюда и вызвать милицию. А тот, видимо, решил не рисковать. В принципе, его понять можно: старший брат мертв, его жена и сын мертвы, племянница, которая убила сына райса, в бегах. Видимо, он решил не помогать, а извлечь из этого максимальную выгоду. Хотя я же не знаю, что именно он сказал райсу и ментам, так что пока не буду возводить напраслину на человека. Вот куплю сегодня пару новых симок, пару стареньких мобильных, Сайора позвонит и спросит.

– Леша, а что случилось? – сзади ко мне подошла Алсу с дочкой.

– Доброе утро, Алсу Расимовна. Привет, киз (девочка), – поздоровался я с ними. Поглядел на толпу возле ворот дома Шакировых, пожал плечами. – Не знаю, что-то случилось. Ближе подходить неохота, не дай бог что-то серьезное.

– Да-да, – пробормотала моя соседка и прошла немного подальше.

Через три часа в проулке было не протолкнуться. Наверное, половина поселка собралась, гул стоял от голосов. Ближе к распахнутым воротам не подходили, там сейчас уже с десятков наших поселковых милиционеров шарахались. Что-то писали, перетаскивали вещи туда-сюда, короче, по моему разумению, делали все, чтобы запутать следствие.

Тела погибших вывезли практически сразу, сыночка и его дружков – на машине раиса, погибших из семьи Шакировых – на машинах «скорой помощи», древних, дребезжащих «рафиках».

В общем, постояв еще с полчаса и переговорив со знакомыми парнями, я зашел в дом и поднялся наверх, постучав в комнату с девушкой.

– Сайора, открой, это я, – негромким шепотом позвал я. Изнутри скрежетнул ключ в старом замке, и дверь открылась.

– Ну как там? – Девушка уже полностью протрезвела, немного поспала и даже переоделась. Сейчас она была в простом платье из хан-атласа, с повязанной на голове черной косынкой. На столе тихонько жужжал ноутбук. В наушниках, лежащих рядом с ноутбуком, тихонько повторялись слова на арабском языке. Видимо, продолжает учебу, Сайорка девчонка умная, по-английски почти свободно говорит и арабский учит. И это не считая родного узбекского и русского, на котором она разговаривает почище меня.

– Твой дядя, как говорят, должен приехать сегодня, и сразу будут похороны. Никаких следственных особых процедур не будет, вроде как замаять хотят. Но сама понимаешь, это слухи. Милиция начала обход, скоро сюда придет, так что сиди тихонько, как мышка. Свет не вздумай включать в комнате, когда меня не будет.

– Леша, сейчас утро. – Сайора покачала головой. – Ты, я смотрю, тоже слегка того.

– Не слегка, а капитально. Поджилки до сих пор трясутся. Еще хорошо, если с участковым разговаривать придется. Тут замы начальника бегают, говорят, злые, как черти. – Я поглядел на часы. Вообще-то, уже не утро. За полдень перевалило. – Так, я сгоняю в Дуслык, куплю телефоны и симки. Не нервничай, судя по всему, никто не знает, что ты здесь, и никто пока на нас не думает. Закройся. Захочешь чаю или минералки – спустишься вниз и возьми в холодильнике. Свежий не ставь, впрочем, пока и газа нет.

– Ладно, Леш. Аккуратно сам, и спасибо тебе. – Девушка подошла ко мне и поцеловала в щеку. Неожиданно, надо сказать, и приятно.

– Ладно, пока, – я смущенно прикрыл дверь. Эх, ну почему вот так?

Когда выкатил из сарая свой велик, к калитке подошел наш участковый.

– Леша, подойди, поговорить надо.

– Здравствуйте, Тухтасин-ака. – Я подошел к калитке и открыл ее. – Проходите.

– Ты куда собрался? – Капитан поглядел на мой велик и сумку через плечо.

– Хочу в Дуслык сгонять, Тухтасин-ака. Говорят, есть программы, обучающие английскому, куплю пару дисков. И «стрелялок» с «бродилками» купить. Мои игрушки надоели уже.

– А, ясно. – Участковый устало кивнул. Кивнул на закрепленный под навесом лодочный мотор: – Я слышал, что ты сегодня ночью поздно возвращался? Ничего не слышал, может быть, видел что-нибудь?

– Это вы про дядю Абдуразака? – Меня явственно передернуло. – Нет, не видел, разве свет горел у них на втором этаже и вроде как во дворе. И сычик кричал, жутко так. Накликал.

– Понятно. Время не помнишь? – Капитан написал ручкой что-то на листе бумаги и поглядел на меня.

– Знаете, как-то не помню. – На самом деле, вот не помню я, во сколько это было. Помню, что поздней ночью, но до утра еще было время. – Я в ларьке рыбку Исмаилу-аке оставил, может, там помнят.

– Нет, они тоже запомнили, что после полуночи, а вот когда – не знают. Ладно, вот здесь распишись. Пиши: «С моих слов записано верно». Дату, подпись. Ладно. Осторожнее смотри, мало ли. Тут такие веселые дела пошли, что никто не знает, чем все закончится. – Участковый протянул мне на своей планшетке листок протокола и ткнул пальцем, где нужно расписаться.

После чего пошел по своим делам, а я выкатил велик и погнал в райцентр, благо он неподалеку. И на самом деле, нужно будет купить именно то, что я сказал участковому, а то его сын может спросить диск с игрушками, а у меня его нет.

Ночью, когда я вышел из баньки, в которой пришлось расслабиться с соседкой, и зашел в дом, меня в темноте кухни встретила Сайора. Она не знала, где я и что делаю, я ее вообще часа четыре не видел. Не стоит туда-сюда бегать, я в обычные дни в доме сиднем не сижу, хватает дел.

– Леша, мне очень нужно попасть в наш дом. Хотя бы во двор. Сможем пройти по улице? – Глаза девушки блеснули, как пара бриллиантов. – Пожалуйста.

– Сайора, ты чего? – Сказать, что я удивился – ничего не сказать. – Тебе из дому выходить не стоит, ну разве во двор, здесь не видать ни с улицы, ни от соседей ничего. А ты – к себе домой. Нишкни, девушка, нам с тобой еще предстоит выжить.

– Леша, пожалуйста, мне очень надо. – Сайора всхлипнула. – Если я это не сделаю, то отца обману, он мне обязал это. Пожалуйста.

Блин! С другой стороны, девка на нервах, только семью похоронили, а она взаперти в комнате сидит и носа не кажет наружу.

– Ладно! Через час выйдем! – Есть у меня один способ добраться до их двора. Проверенный неоднократно, и никто не знает. – Только у тебя есть темные брюки, майка или рубашка и какая-нибудь обувь спортивная? – Девушка отрицательно кивнула головой про обувь. – Хотя у тебя тридцать восьмой размер? Я тебе моей матери кроссовки дам, обуешь?

– Надену. Сделаю все, что ты скажешь, Леша.

– Все не надо, а то я такого могу наговорить! – Я усмехнулся было, представив Сайору на месте Алсу, и вспыхнул от прилившей крови. Блин, поосторожнее в желаниях надо!

Впрочем, по-моему, Сайора тоже покраснела.

16 сентября 2006 года, воскресенье, час ночи

– Потихоньку, здесь ветка от орешины мешает, – прошептав это, я подал руку и помог девушке взобраться с дувала на крышу сарая. Внизу лениво брехала маленькая собачонка-пофигистка, потому я здесь и лазил порой. Был бы злой и здоровый барбос – не решился бы, мало ли, углядит кто.

– Ты откуда эту дорогу знаешь? – взволнованно дыша, прошептала мне в ухо Сайора, прижавшись ко мне упругой грудью. Она-то в волнении не заметила, а у меня дыхание перехватило.

– Ну... У вас очень вкусная черешня, Сайора. Иди за мной, только аккуратно. И не бойся, крыши меня держат, а я восемьдесят пять килограмм вешу. Тут еще два двора.

Сзади тихонько фыркнули. Вскоре я спрыгнул внутри опечатанного милицией снаружи двора и переставил лестницу к дувалу.

– Слазь! – А сам потихоньку подошел к калитке и прислушался. Нет, тишина.

– Леша, придержи лестницу, пожалуйста, – громкий шепот Сайоры подозвал меня обратно и дал возможность полюбоваться длинными ногами в черных джинсах и круглой попой девушки. Недолго, правда. И слава богу, а то мысли начали всякие разные зарождаться. Но вот она оперлась на мою руку и спрыгнула на землю. – Спасибо. Сейчас нам в гараж нужно пройти, а потом, если ты не возражаешь, я быстренько вещи соберу себе, ладно? А то два платья, брюки и маечка, совсем носить нечего.

– Только быстренько, хорошо? И в доме вместе будем, я тебе подсвечу. А что в гараже нужно? – В принципе, кто ночью пойдет в опечатанный дом? Разве какой воришка. Блин, а ведь может быть. Надо поосторожнее!

С этими мыслями мы зашли в просторный гараж, в котором Сайора прямоком подошла к добротному, сваренному из толстого уголка и листовой стали верстаку, и нырнула под него, подхватив с верстака отвертку. Светя фонариком, она что-то там сделала и буквально через две минуты передала мне весьма увесистый сверток. Я бросил его в старый школьный рюкзак и поглядел на девушку.

– Теперь вещи, Леш. Пошли? – и, дождавшись моего кивка, Сайора пошла к дому. Дрожащими руками достала ключи, открыла дверь, не обращая внимания на печать.

– Свети под ноги, ни в коем случае на стены или в окна! – предупредил я, шагая за ней следом по лестнице.

– Леша, я все хочу спросить. Откуда ты так драться научился и вообще неплохо разбираешься, что делать в таких ситуациях? – Сайора на цыпочках шла вверх по винтовой лестнице. На площадке обернулась ко мне: – Может быть, отцово ружье возьмем?

– А у вас что, ружье есть? Конечно возьмем! – Я было обрадовался, но рано. Сейф был взрезан болгаркой и все его содержимое пропало. – А боксу дядя Сема учил, ну и много чему еще. Ты же его не знаешь, вы сюда недавно переехали. Жил у нас сосед, бывший моряк Северного флота. В чине капитана второго ранга ушел в запас и жил здесь, в Узбекистане. А недавно уехал в Северодвинск, вроде как опять на службу позвали. Блин, нету ружья, жалко.

М-да, с оружием вышел облом, и серьезный. Да и девушка расстроилась, всхлипнула. В родительскую комнату и в комнату брата Сайора даже не пошла, побоялась разреветься. Впрочем, я уже боюсь, что она сорвется. Такое впечатление, что Сайора звенит, как струна.

– Сволочи! – прошипела девушка, стоя на пороге своей комнаты и глядя на раскиданные по полу вещи. Кровать ее была перевернута, стол выпотрошен, с небольшого стеллажа скинуты на пол все книги. – Мерзавцы! Ненавижу!!!

– Это неплохо, но, может, что-нибудь соберешь? – Я поднял большую спортивную сумку. Вроде с ней Сайора на фитнес ходит, точнее ходила. Еще точнее, ее отец вместе с матерью возил в Дустлык, в фитнес-центр.

– Давай! – И девушка решительно стала собирать в только ей понятной системе разбросанные вещи. Впрочем, вскоре я понял, что белье она брала лишь в нетронутых упаковках и невероятно смутилась, когда я ей протянул из угла пачку трусиков. – Спасибо, только я сама.

Через пять минут сумка была набита битком, а Сайора из кладовочки вытащила безрукавку из шиншиллы, короткую норковую шубку и две пары сапожек на невысоком каблуке и упаковала это в еще одну сумку. Туфельки она с огромным сожалением в основном все отложила, взяла только две пары, плюс две пары кроссовок. Вообще, я заметил, что платьев она взяла всего четыре, а так в основном джинсы, рубашки, пару джинсовых и одну кожаную курточку. Но в любом случае получились две вполне себе внушительные сумки.

– Дотащим? – с сомнением спросила она.

Я покачал сумки в руках. В принципе, большие, но не слишком тяжелые.

– Дотащим, – в конце концов кивнул я. – Пошли отсюда, Сайора.

– погоди, Леш! – проходя мимо отцова кабинета, девушка заскочила в него, заглянула под стол и вытащила из-под него что-то. – Вот, возьми. Я так думаю, что папа был бы не против.

Мне в руку лег простой серебряный перстень с каким-то камушком. Довольно крупным.

– Это сапфир. Отец очень любил этот перстень, но с тех пор, как сломал палец в Чимгане, не носил. – Ну да, я это помню. В прошлом году, зимой, они отдыхать под Ташкент ездили, покататься на горных лыжах, и оттуда машину привела мать Сайоры, а ее отец долго в гипсе ходил.

Выйдя из дома, я заставил Сайору закрыть двери и скотчем заклеил изнутри бумажную полоску с печатью. Если особо не всматриваться, то пойдет.

После того как девушка залезла на крышу гаража, я подал ей сумки и поставил лестницу на место, к дувалу, отгораживающему двор от улицы. А сам по абрикосовому дереву влез на крышу.

– Леш, сколько раз ты в нашем дворе был? – с интересом спросила меня Сайора, глядя на акробатические трюки в моем исполнении.

– Ни разу, – честно ответил я. – Черешню и урюк я с крыши собирал.

Сайора еле слышно рассмеялась, как будто кто серебряные колокольчики рассыпал. До чего красивая девушка она все-таки. Сверкающие глаза, блестящие, как жемчужины, ровные белоснежные зубы, красивые губы и аккуратный нос. Настоящая восточная красавица, я в ее сторону в классе даже смотреть стеснялся.

– Тихо! – Я прислушался. Где-то ехала машина. И, похоже, она свернула в наш проулок. – Тихо, Сайора! Ложись вот здесь, в тень!

Перебросив сумки на соседнюю крышу, я распластался в тени возле девушки, когда калитка в воротах бесшумно открылась. Светя мощным фонарем, во двор вошел дядя Сайоры.

– Тихо, – прошептал я на ухо напрягшейся девушке. Та чуть расслабилась, но снова напряглась, когда мужчина прямым ходом вошел в гараж. Что-то грохнуло, блякнуло, послышался раздраженный мат.

А тем временем во двор зашли наш раис и четверо его парней.

– Ну, здравствуй, Музафар. Не объяснишь, чего это ты здесь ночью забыл? – В руках раиса был пистолет с глушителем.

– Кахрамон Шарипович, это не то, о чем вы думаете! – Родственник Сайоры побледнел, как стенка, отступая к гаражу. Но двое подручных раиса мгновенно скрутили его, выволокли на середку двора и поставили на колени.

Сайора рядом со мной ткнула в рот кулачок и прикусила его.

– Ответь, почему ты звонил моему сыну за месяц до этого? – Раис коротким ударом рукоятью пистолета разбил лицо Сайоринуму родственнику, все время забываю, как его зовут. Тот попытался заорать, но с ним что-то сделали, отчего он только засипел. Потом, после кивка раиса, на голову дяди Музафара (вспомнил!) набросили пластиковый пакет и закрутили его под подбородком. Дядя было задергался, затряс головой, но два крепких парня еще сильнее выкрутили ему руки, и вскоре сильный, здоровый мужчина затих и обмяк. Когда его отпустили, тело мягко и как-то кулем упало на брусчатку двора.

– Проверь, что там? – кивнул раис одному из своих, и тот метнулся в гараж.

Через пару минут вернулся и коротко доложил:

– Тайник. Сейчас пуст. Будем искать?

– Нет, – раис мотнул головой. – Мы не знаем, что там было, когда пропало. Если это в доме – найдем. Если кто-то унес – будем искать того, кто это унес. Наверное, девчонка и кто-то еще. Неважно.

– Раис, тут рядом мальчишка живет, русский. В рапорте участкового написано, что он в прошлую ночь шел с рыбалки, тащил рыбу и лодочный мотор. Может, он что-то знает?

– И ты думаешь, что он это не рассказал бы участковому? Я знаю этого мальчишку, он прошлым и этим летом с парнями подрабатывал на заводе. Обычный пацан, да еще мать только похоронил. Нет, вряд ли. Но приглядеть нужно! – Раис глянул на тело. – Этого – в солончаковое болото! Пусть там гниет! Пошли отсюда. На, забери свой шмаллятор, – и протянул пистолет одному из своих парней.

Подручные нашего главного районного мафиози загнали во двор машину Музафара, загрузили в нее его тело и выехали, просто прихлопнув ворота.

И через пару минут только ветер посвистывал в кронах деревьев, да на соседний сарай падали первые вызревшие орехи, громко стуча по старому шиферу.

Рядом тихонько плакала девочка, у меня вся спина и голова была мокрая от холодного пота, на глаза текло. Но, полежав еще десять минут, решил, что пора вставать. Машины уехали, тишина. Хорошо, что соседи Сайоры на хлопке, никого прямо здесь нет, кроме старой бабушки в одном из домов.

– Пошли, Сайора. – Я погладил ее по голове. – Пошли, нечего здесь вылеживаться.

Обратный путь был сложнее. Девушка спотыкалась, пару раз чуть не упала с дувала. Я уже хотел бросить сумки в укромное местечко и вести ее под руку, но Сайора выпрямилась, сама себе надавала пощечин и пошла резвее и точнее.

Спустившись во двор, мы впотьмах вошли в дом. Свет я включать не стал, помня о приказе райса, и понес было сумки наверх в темноте.

– Леша, пожалуйста, принеси горячей воды. Помыться нужно. – Сайора остановилась возле ванной. Увидев мое недоуменное лицо, снова, жутко смутившись, повторила: – Пожалуйста. Мне очень надо.

– Месячные, что ли? Так чего стесняешься? Обычное дело в здоровой девушке, – эту фразу я в очень хорошей старой книге прочитал, «Таис Афинская».

– Нет, – еще сильнее смутилась девушка. – Я описалась со страха.

– Сейчас принесу. – Я поставил сумки на площадку и спустился на первый этаж. – Только свет пока не включай, подожди здесь. Тебе пары ведер хватит?

– Хватит, только мне белье надо, дай фонарик, пожалуйста. – Взяв у меня изделие китайских народных промыслов, девушка пошла к сумкам.

А я сходил в баню и набрал пару ведер еще теплой воды. Топить стараюсь каждый день, хоть по чуть-чуть. Сегодня к вечеру газ дали тем более.

Пока девушка мылась, я вскипятил чай и накрыл стол на веранде. Там молчком посидели и пошли спать. Мне еще завтра в школу, чтобы никто не заподозрил.

В понедельник утром меня встретила возле ворот Алсу.

– Доброе утро, Леша. – Женщина была очень серьезной. Обычно улыбается, а тут нет, скорее очень встревожена.

– Доброе, Алсу Расимовна, – очень вежливо поздоровался я.

– Присмотришь за моим домом? Я с дочкой к сестре в Ташкент на пару недель поеду, за свой счет взяла отпуск в школе. – На меня глянули серо-голубые глаза.

– Хорошо, присмотрю, – кивнул я, не понимая, в чем дело.

– Не нравится мне это все, убийства, следствие. Поживу в столице, там поспокойнее, – и, подойдя ко мне, тихо продолжила: – И скажи Сайоре, пусть перестанет пользоваться своими духами. От тебя пахнет «Пятой авеню», в твоём доме наверняка тоже такой запах. Мужик не поймет, а женщина сразу учует. Удачи вам, ребята, постарайтесь выжить, – и, оставив ошалевшего меня, пошла к своему дому.

Постояв минут пять и покачав головой, я пошел в школу. В принципе, учеба дается не сказать чтобы тяжело, даже нравится, но вот о продолжении даже мыслей нет. Придется пахать руками, скорее всего, сварным пойду, куда-нибудь на север России, на нефтепромыслы. Хорошо бы в Москву устроиться, но тут вряд ли выйдет. Хотя поглядим. Не стоит загадывать.

Отучившись и даже получив две четверки, я неторопливо шел домой, помахивая пакетом с буханкой хлеба и коробкой с сахаром. Сайора, как оказалось, ест пусть не как воробышек, скорее, как два воробья. Мало кушает, в общем. Говорит, ей калорий на день хватает, и вообще цифрами сыплет.

Завернув в свой проулок, я потопал было к дому, но из-за среза дувала вышел здоровый парень. Оглянувшись, я увидел еще одного, подходящего сзади. Салиевские «быки», мать их.

– Вы чего, ребята? – У меня похолодело на сердце. Неужели узнали? Как там Сайора?

– Поговорим? – ласково спросил подходящий спереди и попытался врезать мне куда-то в район брови, но выдал себя торопливым подшагом, и я успел увернуться и вполне основательно

врезать ему левым крюком в печень, уложив в пыль. Но это было все, что я успел. Короткий удар сзади по почкам заставил меня согнуться, а сильный удар по затылку сбил с ног и увел в «сумерки». Придя в себя, попытался подняться, но на спину мне наступили.

– Какой шустрик, – с усмешкой сказал сверху молодой голос. – Семен, хорош блевать, пива надо меньше пить! Видишь, пацан свалил!

– Ты, паренек, – мне вздернули голову вверх за волосы, и я зажмурился от слепящего солнца в глаза. – Объясни, чего твоя соседка к тебе подходила, а сейчас собирается уезжать? А? И чего ты такой офигевший был после ее слов?

В голове закрутились мысли. Похоже, Алсу взбаламутила своим отъездом тех, кто должен был приглядеть за моим домом. Но долго думать мне не дали.

– Говори, что знаешь, пока оба глазика на месте. – Перед глазами щелчком раскрылся складной ножик. Маленький такой, блестящий, все бы ничего. Но вот только его острие мне под левый глаз уткнули.

– Беременная она, в Ташкент к сестре едет, аборт делать! – ляпнул я первое, что пришло мне в голову.

Нож больно кольнул меня, по щеке потекло теплое и липкое. Но его тут же убрали и даже извинились. После того как немного ржать перестали.

– Не, ты погляди! Мы-то надумали бог знает что, а он училку дрючит. Ну даешь, парень! – Меня вроде как шутливо, но больно ткнули носком туфли в подбородок. – За порез извини, такого я не ожидал, от неожиданности рука дернулась. Ладно, ничего личного, бизнес. – Меня отпустили.

– Пошли, Семен Семеныч. – Парень, который меня вырубил и допрашивал, выпрямился, сложил ножик и сунул его в карман.

– Сейчас.

Сильнейший пинок в живот заставил меня согнуться и хватать ртом воздух, пытаюсь вздохнуть. Еще один в ребра опрокинул на спину.

– Семен, хватит! Босс не разрешал увечить парня!

– Пусть помнит! – Меня еще раз пнули под ребра, но уже так, без особой злобы. И ушли.

Минут пять я пытался отдышаться, меня рвало так, что зеленая желчь пошла, голова кружилась, едва я пытался встать.

Из ворот выглянули соседский пацан лет десяти и его младший брат. Анвар и Салим, неплохие пацанята, я им змея клеил весной. Вот и сейчас они помогли мне встать, добраться до дувала, за который я хоть мог держаться. Их мать выскочила из ворот, помогла мне дойти до крохотной скамеечки под раскидистой чинарой, принесла тряпку, намоченную в холодной воде, и положила мне ее на голову. Пацанята притащили мне мой пакет с хлебом и сидели рядом, смотря на меня огромными темно-карими глазенками. Все, завтра весь поселок будет знать, что здесь произошло.

Отсидевшись, я поблагодарил хозяйку и детишек и потихоньку, придерживаясь рукой дувала, пошел к дому.

Петух осторожно обошел меня по кругу, недоуменно квохча.

– Да, я знаю, что если бы ты ходил со мной, мы бы всех заклевали, – криво усмехнулся я, глядя его по гребешку и отламывая кусочек горбушки. Выпрямляясь, охнул от боли в боку и зашел в дом.

– Леша! – ахнула Сайора, поднеся ладони ко рту. – Что с тобой?!

– Салиевы прихвостни постарались. – Я поставил пакет на стол и сел на табурет, пытаюсь снять с себя кроссовки. Но девушка гибко опустилась передо мной и быстро сдернула со смущенного меня обувь. Заставила снять рубашку, оглядела наливающимися багровым синяки на боку и животе. Покрутила перед моими глазами пальцем.

– У тебя точно сотрясение мозга. Плюс сильнейшие ушибы, я не знаю, что у тебя внутри. Похоже, печень и остальное не повреждены, но это только похоже, надо к врачу. – Сайора уселась напротив меня и внимательно поглядела мне в глаза. – Что случилось, Леша?

– Алсу поняла, что ты у меня. – Скрывать мне особо нечего. – Утром мне это сказала, собралась и уехала. Сказала, чтобы ты духами перестала пользоваться. А салиевские следят за двором. Встретили в проулке, поинтересовались.

– И что ты им сказал? – удивленно поинтересовалась девушка.

– Сказал, что Алсу беременна и поехала делать аборт. – Я откинулся на стену. Блин, меня опять мутит. Хорошо мне по затылку приложили, те мозги, что есть, чуть не выбили.

– погоди, ты серьезно? – Сайора здорово удивилась.

– Да нет, не беременная она. Сказала бы, да и предохранялись мы, – ответил я и понял, что ляпнул лишнего. – Ты это, ничего не думай, там ничего серьезного у нас не было!

– Я это поняла, – тихонько смеясь, ответила Сайора, тоже усаживаясь на стул. – Леша, слушай, ты не парень, а скрытые таланты. Умница, благородный, дерешься как лев, спасаешь беззащитных девушек, трахаешь учительниц. Что еще я о тебе не знаю? – В глазах Сайоры прыгали веселые чертики.

– То, что я с испугу и сдуру испортил репутацию хорошей женщине. – Блин, угораздило же ляпнуть, а? Конечно, испугался чуть ли не до грязных штанов, но такое?

– О репутации Алсу Расимовны пусть ее мясник беспокоится! – фыркнула девушка и снова повторила: – Итак, кроме перечисленного, ты еще как ниндзя по заборам и сараям лазает, таскаешь фрукты, что, впрочем, понятно: организм молодой, растущий, всяких училок трахающий. – Ого, как ее зацепило! – А что я еще не знаю о тебе, Леша?

– Кто нас спасать будет из всего этого? – смущенно буркнул я, и веселье с нас мгновенно слетело. Настала звонкая тишина.

– И кто же, Леш? – тихонько спросила девушка.

– Сегодня вечером отец должен позвонить, ему расскажу. Он обязательно что-нибудь придумает. – Я опять охнул, неловко повернувшись. Сволочи, уроды, привыкли, что они здесь хозяева. Ничего, я им это припомню!

– А почему ты не позвонил ему раньше? – Девушка немного оживилась и стала собирать на стол. Я сидел, смотрел на ее точные и аккуратные движения и думал, что давно не проводил время в такой приятной компании.

– Сайора, если про нас с тобой узнает моя мачеха, то она сама нас Салиеву сдаст. Лучше не рисковать, она за отцом следит, как коршун! – Я достал из серванта небольшую коробочку сухариков из белого хлеба с тертым сыром и солью. Люблю иногда себя таким побаловать. Вот порой и сушу. Когда ставил на стол, снова невольно охнул.

– Леша, ты завтра возьмешь у меня деньги и съездишь в Дуслык, к травматологу. Пусть проверит, что с тобой! В нашу поликлинику идти не стоит, Салиеву может не понравиться. Я тебе сразу сказала, чтобы ты деньги у меня взял. – Ну да, брат, толстую стопку наших узбекских сумов у зареванной девчонки – я что, последняя сволочь?

– Нет, Сайора. Все знают, что у меня немножко денег есть, и если буду таскать пачками – сразу станет подозрительно. – Я покачал головой, чему был не рад, так как она закружилась. – Но спасибо тебе большое.

– Тогда обязательно в нашу. Хотя и толку, наверное, не будет. – Девушка налила мне в пиалу чаю.

– Ну почему, травматолог еще с Союза работает. Пройдусь потихоньку, скажу, что с лестницы упал. Не хватало еще с участковым объясняться. – Я взялся за пиалу. Иногда лучше есть, чем говорить. И молчать. Слушать – оно молча лучше, тем более такой красивый голос.

Впрочем, участковый подошел ко мне еще до вечернего звонка отца. Внимательно посмотрел на меня, покачал головой.

– Леша, будешь писать заявление? – Капитан участливо поглядел на меня.

– О чем? То, что упал с лестницы? – Я усмехнулся. – Мне уже полегче, отлежусь с недельку и дальше жить буду. Вряд ли я кому-то нужен, просто попал под раздачу. Ничего, осталось пару годов, и уеду отсюда. Отец обещал к совершеннолетию переоформить свою часть дома на меня.

– Только обязательно сходи к врачу. – В голосе участкового послышалось явное облегчение. Не придется поднимать муть со дна, с местной администрацией милиция старается жить в дружбе. Хотя и власти у нее запредельно много, прямо скажем. Но с родней хакима области связываться никто не захочет.

Вечером, после того как позвонил отец, я рассказал ему все как есть. Особо не рисковал, хоть и хватает прослушки в Узбекистане, но она в основном на подрыв устоев и исламский радикализм нацелена. Обычно местные чекисты в разборки местных же властей не лезут, чтобы не раскачивать особо обстановку. Это сейчас успокоилось, буквально в прошлом году в Андижане такое было, что ой-ой. Да и не слушают обычно разговоры русских, им это не грозит ничем.

– Так. – Отец, выслушав меня, замолчал. Потом, обдумав ситуацию, продолжил: – У тебя как, сотрясение сильное?

– Ну, сейчас более-менее, но Сайора говорит, что обязательно с недельку отлежаться надо. Потроха вроде как уже нормально, только брюхо синее, фингал знатный.

– Тогда слушай сюда. – Отец немного успокоился. – Пока ты наверняка уже вне подозрений, иначе бы уже наведались. Но за проулком точно следят, будь осторожен. Девушка из дома нос пусть не показывает и в переднюю часть не выходит. Вы сейчас одной веревочкой повязаны, и иначе, чем спастись вместе, вам никак. Но выход для вас есть только один. Дедов «Урал» на ходу?

– Да. – Старый, но надежный, от деда доставшийся мне мотоцикл стоял в сарае. Коляску я с него снял и иногда гонял по ночным проселкам, чувствуя себя потрясающе свободным. Ночь, звезды, луна, мощный тяжелый мотоцикл подо мной и серебристая пыльная дорога. Только девушки за спиной не хватало. Тут я оглянулся на Сайору и представил ее в косухе и на мотоцикле.

– Тогда через неделю ночью садись на него, сажай девушку и выезжай в сторону казахской границы. Знаешь же, дорога через птицеферму и уходит на север? Там, в ста сорока километрах, есть небольшой поселок, Бурисай называется. Спросите Рахимбека Гилязова, он вас у себя на несколько дней устроит, я ему позвоню. Надежный парень, мы с ним вместе в Афгане были. Потом к тебе придет человек, скажет тебе, как звали твою черепаху. Помнишь же ее? – Давным-давно мне отец привез из пустыни огромную черепаху. Настолько большую и старую, что я на ней катался.

– Помню, конечно, – улыбнулся я.

– Так вот, слушайся его во всем беспрекословно. Как бы тебе странно все не показалось. Понял? – У отца дрогнул голос. – Береги себя, сынок.

– Понял, папа. – Я тоже едва не всхлипнул.

– Деньги я перешлю на карточку тому человеку, он тебе отдаст. Отдашь ему документы на дом, он его у тебя купит. Деньги оставишь себе. Сайоре скажи, чтобы собрала все документы на дом, если есть возможность, ей его оформят в продажу. Не бесплатно, конечно, но пусть не переживает, с недвижимости кус возьмут, но божеский. Вещи соберите самые ценные и самые легкие. Ничего большого, только одежду, деньги, документы и самые дорогие и памятные вещи. Осторожно там, ребята. Сидите, как мыши под веником. – Отец помолчал. – И еще, Леш. Если все будет нормально, то мы еще встретимся. Запомни это. Обязательно встретимся, сын!

Два дня я отлеживался. Только зарубил пару кур, которых поймал ночью и связал проволокой, чтобы не бегать за ними утром. Ощипал, опалил, и два дня мы кушали куриные супчики, которые наварила Сайора. Она вообще не сидела на месте, хоть и не выходила из дома. Готовила, прибирала, занималась шейпингом и йогой. Учила арабский и английский, начала меня гонять по английскому и математике. Улыбаться стала чуть почаще, хоть ненамного, но все-таки.

Через два дня я вышел на улицу уже поработать. Вытащил из сарая мотоцикл, навесил на него коляску, погонял на холостых оборотах. Проверил его, слегка поездил по проулку и загнал мотоцикл на место.

20 сентября 2006 года, четверг, восемь часов утра

– Неплохой день вроде будет. – Я поглядел на падающие с деревьев листья. Пока еще слегка, конец сентября для Узбекистана – это ранняя осень. Еще нескоро дожди пойдут и ветра начнутся, вот тогда листва полетит.

А пока одел на самодельный фаркоп дышло лодочного роспуска и сгонял на речку, на лодочную станцию за своей «Обью», старенькой, но очень хорошей алюминиевой лодочкой. Перевернул ее во дворе и покрасил заново, проклепав и зачеканив расшатавшиеся и пропускающие понемножку воду заклепки.

– Ну ты, окклок! – от калитки крикнули. Я не понял, обозвать русского «белое ухо» – или издевка, или кто-то ищет неприятностей. – Иди сюда, щенок, учить будем.

Обернувшись, я увидел того самого мясника и пару парней помоложе. Во мне полыхнула ярость, я выдернул один из топоров, которые были в колоде, и изо всех сил метнул его в деревянный столб, облокотившись на который стоял мясник. С глухим чавкающим звуком топор глубоко вошел в дерево, а я, выдернув второй, пошел к калитке. Дойдя до нее, я увидел только пару валяющихся на старом асфальте шлепок, причем оба левых. За поворотом пыль оседала на землю. Вот это я напугал мясника с орлами!

– Уроды! – Меня потряхивало, руки дрожали. Блин, как я сдержался и метнул топор не в мясника, а в столб? С трудом вывернув из вязкой древесины лезвие топора, я отнес к колоде оба и всадил их на место. А сам сел на старую лавочку под виноградником и постарался успокоиться. Мне сейчас делать глупости нельзя, от меня зависит жизнь отличной, в принципе, девчонки.

Только вот неймется этой девице, хочет тетке в Ташкент звонить, рассказать насчет дяди. Я ей объясняю, что нельзя, она в слезы и просит что-нибудь придумать. Пришлось пообещать, что куплю казахскую симку и отвезу ее к границе с Казахстаном, где связь получше, и оттуда она позвонит. Ну, вроде как из другой страны. Благо что немолодых телефонов купил аж шесть штук. И да, нужно их все на зарядку поставить, а то у большинства она на нуле.

А один нужно кое во что переделать. И надо еще одну штуку. Я зашел в сарайчик и выволок из угла десятилитровую тяжеленную алюминиевую флягу, герметично закрытую. Достал большой бумажный пакет с древесным углем с полки. Нашел случайно на берегу около кострища пару пакетов – остались от чьей-то гулянки, и привез домой. Теперь пригодятся.

25 сентября 2006 года, вторник, два часа ночи

– Так, Сайора, залазь вот сюда. Аккуратно. – Я придержал девушку, помогая ей спуститься в носовой отсек лодки. Спустил туда же ей ее сумки. Поглядел, как она калачиком свернулась на толстой кошме и сморщила нос. – Ты чего?

– Рыбой воняет! – Девчонка недовольно pokrutila головой.

Блин, кому что! У меня поджилки от волнения подрагивают, а ей рыбой воняет.

– Ну, извини, не смог отмыть, – я развел руками. – Ладно, включай фонарик и сиди как мышка, хорошо? Закрываю. – И я захлопнул лючок. Пришлось сделать несколько незаметных отверстий от кокпита в носовой багажный отсек. Жаль лодочку, но что поделаешь. Дышать девчонке чем-то надо.

Свои сумки закинул в коляску. Вещей у меня немного: одежда, чемоданчик с фотографиями и документами. От деда осталось несколько медалей и несколько книг про охоту. Кроме того, моя любимая книга – энциклопедия оружия Жука. И пара книг Луиса Ламура, случайно купленных мною на блошином рынке и зачитанных чуть не до дыр.

Закрыв дом, прислонился головой к двери. На глаза навернулись слезы – я ведь отсюда навсегда уезжаю. А отец категорически запретил навещать кладбище, могилы матери, бабушки и бабушки, чтобы ничего никто не заподозрил.

Зашел в курятник, взял ничего не подозревающего петуха, оставшегося в гордом одиночестве. Связал ему ноги, приклеил скотчем записку к одной из лап с просьбой принять в дар и не убивать, положил его в коляску и завел мотор «Урала». Потихоньку выехал со двора и поехал по проулку. Остановившись напротив дома Анварки и Салима, перебросил им петуха через дувал. Ошалевший Петя, громко хлопая крыльями, приземлился у них во дворе. Недовольно загавкал пес, всполошились куры.

– Ну, будем надеяться, что из тебя шурпу не сварят. – Врубив первую, я выехал из проулка и неторопливо поехал по разбитой дороге. Выбравшись из поселка, повернул к речке, в сторону лодочной станции. Но, захав за посадку из тополей, остановился. Слез с мотоцикла и минут десять смотрел в сторону машины наблюдателей. Я их еще в первый день вычислил, они стояли над каналом метрах в трехстах от нашего проулка. Там пригорок, все просматривается, точнее весь проулок просматривается. А вот здесь ничего оттуда не видать до самой речки, и самое главное, поворот в сторону Казахстана не просматривается.

– Нет, тихо. – Подойдя к лодке, я открыл крышку багажного отсека. – Вылезай, Сайорка. Только сначала вещи давай.

Приняв от нее вещи, забросил их в коляску, а лодку отцепил и вместе с прицепом затолкал в кусты. Сразу не заметят, а если углядят пацаны, то, скорее всего, порубят на цветмет. А прицеп разберут на куски, в сельском дворе каждая железяка в тему.

Сел на свое место, подождал, пока сзади на седло усядется девушка. Сайора крепко вцепилась в рукоять, глаза огромные, губы крепко сжаты, сама решительность.

– Ну как, поехали? – Я потихоньку выжал сцепление и шелкнул скоростями. Мотоцикл без прицепа – это не мотоцикл с прицепом, по проселку я на нем и джипу смогу мозги основательно покрутить, а на бездорожье тем более.

– Поехали, Леша. Ок йюль! – Сайора подвинулась на сидении, обняла меня со спины руками и крепко прижалась. – Поехали, пусть беды останутся позади.

25 сентября 2006 года, вторник, шесть часов пятнадцать минут утра

– Надо же, как проголодались. Хорошо, что я додумалась нам поесть собрать. – Сайорка взяла из чашки на расстеленном полотенце еще одну рыбную котлету. Отпила из крышки термоса горячего кофе, проглотила и продолжила: – Мы уже четыре часа едем, проехали давно все. Заблудились?

Вокруг была чистая осенняя степь. Только ограждение из колючей проволоки на границе с Казахстаном показывало, что рядом уже другое государство.

– Ну да, похоже, – я прожевал свою котлетину и взял помидорку, разрезал ее ножом, посолил. – Тут проселков не один десяток, похоже, не на той дороге свернул. Ничего, сейчас вернемся на полсотни километров, до той развилки. Похоже, я не туда завернул, – повторил я.

И, вытерев руки о кусок ветоши, достал из передка коляски запасную канистру. Бак здорово опустел, нужно долить. И вообще, нужно поосторожнее плутать, тут уже заправки далеко, можно застрять капитально, чего нам только и не хватает.

– Леша, я до кустиков пробежусь. – Сайорка смущенно на меня глянула и на самом деле побежала к зарослям тамариска или, по-местному, джингила.

К тому времени, как она подошла, я уже залил бак под пробку и спрятал канистру, опустевшую примерно наполовину, в багажник под запаской.

Вернувшись назад, к развилке, я повернул на западную. И уже через тридцать километров увидел небольшой поселок, стоящий на оросительном канале. Подъехав к нему, я спросил у пацаненка, пасущего небольшую отарку баранов, не Бурисай ли это. Получив положительный ответ, я спросил, где живет Рахимбек Гилязов, на что мне ткнули грязным пальцем в дальний конец поселка, и пацаненок, косясь на Сайорку, растолковал про третий с краю дом.

– Рахмат! – поблагодарил я мальчишку и по пыльной грунтовке поехал вокруг Бурисая. Отъехав от мальчишки, усмехнувшись, сказал Сайоре:

– Сайор, из-за тебя у мальчугана косоглазие развиться может! Будет теперь мечтать о прекрасной пэри.

Сзади фыркнули и прижались ко мне посильнее. А в ухо шепнули:

– Молодежь должна стремиться к прекрасному! Это наш завуч так говорит.

– Да уж, прекраснее девушки, чем ты, найти сложно, – остановившись около простых деревянных ворот в дувале из пахсы, согласился я. Слез с мотоцикла, разминая ноги. Подошел к воротам и постучал в них.

На мой стук вышла очень миловидная женщина лет под сорок, в национальном узбекском костюме. Узбекские женщины с удовольствием носят свои наряды, да и мужики про тюбетейки и халаты не забывают. Халат вообще вещь очень удобная, если серьезно. Для здешних мест сложно лучше придумать.

– Салом алейкум, – поздоровался с ней я. Сайора повторила за мной. – Скажите, пожалуйста, Рахимбек Гилязов здесь живет?

– Да, – кивнула головой женщина. – Но муж выехал в рейс, приедет завтра. Вы случайно не Алексей Иванов? А эту девочку как зовут?

– Да, моя фамилия Иванов, – кивнул я. – Это Сайора Шакирова.

– Заезжайте, – просто продолжила женщина, открыв ворота. – Мотоцикл ставьте под виноградник, сами проходите в дом.

В доме нас разделили, если можно так сказать. На небольшой застекленной веранде два топчана, отделенных пологом. На топчанах курпачи и подушки, пара простых китайских одеял. Маленький китайский телевизор, что-то бухтящий по-казахски, когда я его включил проверить.

– Ребята, вы как, устроились? – Женщина, представившаяся как Гулистан-апа, заглянула на веранду. – Пойдемте, умоетесь, я вас чаем напою, и ложитесь отдыхать. Наверное, всю ночь ехали?

– Да, Гулистан-апа, спасибо. – Я вышел во двор и прошел к колонке, где с удовольствием умылся, смыв с себя дорожную пыль. Сайору хозяйка отвела в небольшую пристройку, где, как я понял, была баня.

Вскоре мы сидели за коротконогим узбекским столиком, поджав под себя ноги, а хозяйка разливала по пиалам горячий зеленый чай. На столе стояли лепешки, тарелка с самсой, пиала с мытой курагой и несколько гроздей винограда на блюде.

– Кушайте, ребята. Мне муж про вас рассказал. Очень жаль твою семью, Сайора. Но все в руках Аллаха, – женщина провела руками по лицу. – Он привел вас в наш дом, он же проведет вас мимо врагов. Ничего не бойтесь, здесь Салиев уже не имеет власти, он не сможет быстро сюда заявиться. Даже если он вас здесь найдет, ему нужно договариваться. А к тому

времени вас отсюда увезут. Не знаю – куда и кто, правда, но муж сказал, что надежные люди и в надежное место.

Через силу попив чаю, объев гроздь душистого винограда, поблагодарил хозяйку и вместе с зевающей потихоньку девчонкой пошел на верандочку. И завалился спать на своем топчане, не видя снов. Заснул мгновенно, только голова ухом подушки коснулась. И спал до позднего вечера.

25 сентября 2006 года, вторник, двадцать три часа сорок минут

– Леша, как ты думаешь, почему это случилось? – Сайора сидела неподалеку от меня и смотрела на играющих возле электрической лампочки ночных бабочек. – Из-за чего это все? Что мы сделали плохого, что нам такая кара?

– Это не кара. Это несколько сволочей и мерзавцев, которые решили разбогатеть за чужой счет. – Я зло прищурился и поймал надоедливо зудящего комара. – Вы тут совершенно ни при чем, Сайора. Вы жертвы.

– Ты так думаешь? Но почему, Леша? Почему мы?

– Ваша семья богата. Это знали все. Невелика относительно узбекских обычаев, всего четыре человека. Новый дом, хорошая машина. Ты вот сколько с собой денег взяла? Ты не думай, мне как-то все равно, но для чистоты эксперимента? Пять миллионов сумов? Пятнадцать?

– Около восьми, я не считала. Плюс десять тысяч долларов США и две тысячи евро.

Я присвистнул. По здешним меркам на эти деньги таких домов, в котором мы сейчас, два-три точно можно купить. Или построить такую домину, как у Сайоры. Восемь миллионов сумов – это около семи тысяч долларов, плюс примерно тринадцать – ну да, два-три вполне себе приличных дома. Если мне получится продать свой, то больше десяти тысяч я за него никак не получу, и это еще цены возросли. Годов шесть назад не больше тысячи давали, а еще раньше вообще бросали и уезжали. Оформление выходило дороже.

– Вот видишь. Ты, наверное, не заметила, но у Ибрагима следы на руках были от уколов. Он, похоже, на героин подсел. Не удивлюсь, если его подельники тоже. На сколько доз им бы этого хватило?

– А почему Салиев убил дядю? Только за звонок Ибрагиму? – Девушка внимательно посмотрела мне в лицо.

– Не знаю. Могу только предположить: Салиев был уверен, что звонок твоего дяди был причиной налета. Значит, слушал запись.

– Но для чего это было дяде? – Сайора готова была опять разреветься. – Папа, мама, братик. Мы же ничего им плохого не делали, папа даже готов был от бабушкиного дома отказаться в пользу брата.

– Наверное, именно из-за дома. – У Сайоры недавно умерла бабушка в Ташкенте. Как обычно бывает у узбеков, младший сын жил с ней, в ее доме. Ухаживал и помогал. – Он же очень дорог, Сайора. А со смерти твоей бабушки прошло почти полгода. Срок для дележа имущества.

Отвернувшись, Сайора вытерла глаза и долго смотрела на ночное небо. Небо было потрясающим. Звезды, огромные, яркие, в невероятном количестве и так близко, что кажется – рукой достать можно. Млечный путь вообще светится, как новогодняя елка. Невероятно красиво. Невероятно красивая девушка рядышком. Так почему же так печально? Из-за того, что эта девчонка, уже не скрываясь, плачет?

Подвинувшись, я обнял Сайору за плечи. А она уткнулась мне в плечо и долго шмыгала носом, пропитывая мою джинсовку своими слезами. Вскоре она молчком отодвинулась

на приличную дистанцию, высморкалась в мой платок, и мы еще с час молча сидели, глядя на звездное небо.

27 сентября 2006 года, четверг, шесть вечера

Три дня прошли очень спокойно. Приехал Рахимбек, оказавшийся здоровенным мужчиной с просто квадратной фигурой. Я немаленький, отец у меня сильный, но Рахимбек – это настоящий богатырь. Палвон, как говорят узбеки. Наверняка всех баранов в куреш выигрывает. И точно, на мой вопрос он, смеясь, подтвердил, что однажды даже в Алма-Ате умудрился победить и привезти честно выигранного барана домой. А учитывая, что призовые экземпляры скромностью размеров не отличаются, то сейчас у них отменная племенная отара, которую пасет его племянник рядом с одним из аулов, но подальше от казахской границы.

Вот и сейчас Рахимбек, я и его сын, десятилетний парнишка с веселым, неунывающим характером, возмись возле фуры, на которой наш гостеприимный хозяин работает. Перебортируем пару колес, которые поймали какую-то железяку в паре километров от дома.

– Как ахнет, я в кабине подскочил. Из-под кузова пылюка, резины шматки, машину рвануло. Хорошо, порожняком возвращался, с груженым кузовом точно в кювет бы опрокинулся. – Рахимбек принял от нас готовое колесо и посадил его на место, после чего принялся наворачивать гайки на крепежные болты. – Сейчас закончим и пойдем ош готовить.

Сайора с Гулистан-опой и младшей дочкой хозяев хлопотали на кухне. Сегодня четверг, пайшанба, узбеки-мужчины обычно в этот день сами готовят плов. Именно хозяева дома или их старшие сыновья. Ну и, как говорят, обязательно хозяйку – того, исполняют с ней супружеский долг. Судя по мечтательному выражению лица Гулистан-опы, так оно и есть.

Вымыв руки, я помог резать соломкой желтую морковку, с удовольствием съел несколько шкварок от вытопленного курдючного сала с куском сдобной лепешки-патыра, отказавшись от рюмки водки.

– И правильно! Молодой еще, – захрустев свою колечком лука, заметил хозяин. – А я вот как привык с Афгана, так иногда потребляю. Твой отец, кстати, меня и научил водку пить. Мол, у них под Самарой каждый парень умеет, а мы в Узбекистане нет.

– Рахимбек-ака, а как вы думаете, что именно придумал мой отец? Как он мне сможет помочь? – ссыпав в старый латунный тазик горку моркови, спросил я. Если честно, то последние дни свербит от неизвестности.

Узбек серьезно задумался, помешивая в котле жарящиеся куски баранины. Потом, оглянувшись на жену, налил еще рюмку, срезал с куска мяса золотистую корочку и выпил еще.

– Знаешь, я сам ломаю над этим голову. Ты малолетка, несовершеннолетний. Чтобы пересечь границу – необходима куча документов, которые должны делать у вас в вилояте (области). Про твою подружку я вообще молчу, не представляю, как это может произойти. Нет, сделать можно, но у твоего отца нет таких денег и таких знакомых. При этом я точно про Василия знаю, что он слов на ветер не бросает и с головой умеет дружить, как дай бог всякому. Подождем этого обещанного человека, он на днях должен подъехать. Пока отдыхайте. Морковь готова? Сыпь давай!

29 сентября 2006 года, суббота, час двадцать пять минут дня

Около ворот дома, где мы сейчас гостим, остановился «Москвич-412», вроде старая, но в отличном состоянии машина с ташкентскими номерами, причем очень крутыми номерами. У нас в вилояте с такими ездят губернатор, начальники милиции и СНБ, Службы Национальной Безопасности – конторе, которая заменила в Узбекистане КГБ. Больше ни у кого таких номеров нет.

Из машины неторопливо вышел пожилой узбек в белой рубашке и светло-серых брюках. Спокойно подошел к приоткрытым воротам, постучал по створке.

– Извините, Гилязовы ведь здесь живут?

– Да, это мы. – Гулистан-апа, вытирая руки полотенцем, подошла к незнакомцу. – Чем можем помочь? Муж приедет через полчаса, он в райцентр отъехал.

– Мне сказали, что черепаху звали Чемадана. Если это возможно, передайте Алексею Иванову. – Узбек, прищурившись, посмотрел на мой мотоцикл.

У меня, слушавшего это все, с души упал огромный камень. Но хозяйка не торопилась.

– Вы проходите, садитесь, попейте чаю. Сейчас приедет хозяин, и поговорите с ним. – Гулистан-апа провела гостя к столу, вынесла чайник и пиалу, небольшую тарелочку со сладостями. – Подождите немного, я женщина, в дела мужа не лезу.

Гость без возражений ополоснул руки под колонкой и, сняв туфли, уселся по-турецки за низенький столик. Спокойно, неторопливо он пил чай, пару раз ответил на телефонные звонки.

Вскоре послышался рокот дизеля и на стареньком японском микроавтобусе приехал Рахимбек. Поздоровавшись с гостем, он с ним недолго переговорил и, извинившись, прошел в дом.

– Ну что, детишки, – зайдя на веранду, пробасил он, – похоже, за вами пришли. На самом деле так черепаху звали? Кто ее, бедную, обозвал-то так?

– Да. А назвал я. Она здоровенная, как чемодан, была. – Я отошел от окошка, через которое наблюдал за гостем. Сайора, бледная и решительная, сидела на краешке стула. – Пойдемте?

– Пошли. А ты, девочка, посиди пока здесь. – И мы с хозяином дома вышли к пьющему чай гостю.

– Меня зовут Анвар Шарипович. Со мной связались из Москвы и попросили помочь двум молодым людям, – спокойно представился он. – Это ты? А где девушка?

– Да, это я. – Поздоровавшись и представившись, я сел рядом с Рахимбеком. – Девушка попозже выйдет. Не скажете, как вы нам поможете?

– Не здесь, парень. Не стоит лишний раз хозяев подставлять. Они и так для вас очень много сделали, в Атласабаде все вверх дном перевернули после вашего исчезновения. Но ты слинял очень технично, так что успокоились. Пока. Но искать Салиев будет долго. Очень долго. Так что собирайтесь, и поехали. Твой мотоцикл загонишь в микроавтобус, и сами в нем поедете в Ташкент. Не стоит светиться. – Гость с благодарностью отставил в сторону пиалу, провел руками по аккуратной бородке. Встав, поблагодарил хозяйку и обернулся к нам с Рахимбеком. – Ну, готовы?

– Как, Алеш? – хозяин повернулся ко мне. – Поедешь?

– Да. – Я сглотнул и решительно встал. – Спасибо вам за все, Рахимбек-ака!

– Пока не торопись, – улыбнулся богатырь. – Вот поедете, и тогда поблаговаришь.

Тем временем Анвар Шарипович отзвонился по мобиле, и вскоре ко двору подъехал бежевый, совсем не новый итальянский микроавтобус «Ивеко Дейли», точнее, грузопассажирский. Из него вышла пара молодых крепких парней. Гость им что-то негромко сказал, они кивнули и распахнули сзади грузовой отсек, сбросив на землю аппарат.

По ней вглубь отсека затолкали мой старый мотоцикл, который парни мгновенно закрепили растяжками. В коляску мотоцикла забросили мои вещи и сумки вышедшей Сайоры. Промежду делом гость отправил меня и зарумянившуюся девушку в дворовый туалет, мотивировав это дальней быстрой дорогой.

– Пора прощаться. – Гулистан-апа обняла Сайору, потом меня. – Удачи вам, ребята. Храни вас Аллах.

С сыном и дочкой хозяев мы попрощались раньше, и они стояли на веранде, провожая нас.

– Удачи, – крепко пожал мне руку Рахимбек. – И давай по-русски посидим на дорожку.

Мы все, включая парней Анвара Шариповича, присели на скамью, хан-тахту и пару табуреток, что были во дворе. Секунд тридцать молча посидели.

– Так, пора. – Старший из приезжих встал и, пожав руку хозяину дома, открыл дверь своего «москвича».

– Садитесь, – перед нами распахнули створку микроавтобуса, сдвинув одно из передних сидений. – Усаживайтесь поудобнее. Ехать нам долго.

– Если не секрет, как поедем? – поинтересовался я, усаживаясь на кресло следом за Сайорой, которую пропустил вперед.

– Ну, вдоль Нуратинского хребта, через Янгикишлак до Джизака, из него до Янгиера, потом до Сырдарьи, выходим на Новую Самаркандскую дорогу и в Ташкент. Из Джизака на «бетонку» выходить нам сейчас из-за вас нельзя, граница. Мало ли. Придется помотаться по дорогам, ребята. Вы сидите спокойно, «крыша» у нас из броневой стали. – И водила стронул свой микроавтобус вслед за «москвичом». А я смотрел в окно на ставших мне дорогими буквально за несколько дней людей и понимал, что, скорее всего, я их больше не увижу.

Ехали долго. Пару раз вставали на отдых в городах, сворачивая с основной дороги и перекусывая в небольших чайханах под открытым небом. Впрочем, в большинстве узбекских столовок кормят замечательно, тут умеют и любят вкусно готовить. Сейчас попрохладнело, посвежело, и аппетит с дороги просто жуткий.

Как я заметил, хозяева этих забегаловок были знакомы с Анваром Шариповичем, привечали его с большим почтением. И еще одну вещь заметил – все эти столовки имели закрытый двор, не просматриваемый с улицы. Интересно, чем кормится этот вроде как обыкновенный пожилой узбек?

В Ташкент въехали под утро. Сайора спала, свернувшись в уголке кресла и не обращая внимания на дорожную тряску. А я смотрел, в Ташкенте никогда не был. Огромный город, въехав в который, мы покрутились-покрутились и, свернув налево на большом кольцевом перекрестке, поехали куда-то в сторону от основной городской застройки.

– В Сергели едем. Это пригород, большой, тысяч триста живет, – увидев мое любопытство, пояснил один из парней. Кстати, я так и не знаю, как их зовут. Они вежливые, аккуратные, подтянутые, с хорошей пластикой. Похоже, неплохие рукопашники. У одного видел на поясе кобуру с пистолетом, что вообще большая редкость в Узбекистане и означает службу или в МВД, или в СНБ. Оба отличные водители, я в этом убедился, когда мы ехали через пол-Узбекистана.

Вскоре на самом деле показался этот самый Сергели. Много высоток, девятиэтажки и даже шестнадцатиэтажные башни. Впрочем, мы их быстро миновали, потом проехали мимо скромных двухэтажных домиков и свернули в промзону. Огромную, где один завод переходил в другой. По ней ехали довольно долго, пока не завернули в открытые ворота, где микроавтобус встал возле трехэтажного обшарпанного здания, похоже, какой-то конторы.

Открыв ворота, охранник пропустил внутрь корпуса «Ивеко» и задвинул за нами створки.

– Все, приехали. Выгружаемся! – Водилы вышли из машины, потягиваясь. Мы с Сайорой тоже вышли.

– Так. Разгружайте, – скомандовал, зайдя в большое пустое помещение, Анвар Шарипович. – Быстрее, вам завтра на службу!

Парни, кивнув, распахнули задние створки машины и выкатили мой мотоцикл, выгрузили наши вещи, после чего уехали.

– Вы отдыхайте. На антресоли пара кабинетов, в них диваны, есть чайник, холодильник. Хотите покушать – отсюда в пятистах метрах неплохая чайхана, чуть дальше базарчик и магазины. Деньги есть? – Мы с Сайорой кивнули. – Охранник вас впустит-выпустит. Но! Только до магазина, базара или чайханы. Все, остальное завтра. Сегодня спите, тут душевая есть, можете

вымыться. В кабинетах есть телевизор и радио. Даже вроде несколько книжек лежат, боевиков и сказок для взрослых. Охранник объяснит вам, куда идти, чтобы не заблудиться. Или так: сейчас умывайтесь, и до чайханы я вас сам подброшу. Вернуться сумеете? И да, чуть не забыл. – Из своего портфеля Анвар Шарипович вытащил две простые «Нокии» и передал нам. – Звонить друг другу и мне, номера вбиты. Больше никуда и никому.

– Анвар Шарипович, у меня здесь тетя, – робко заикнулась девушка.

– Завтра, все завтра. Садитесь в машину. – И узбек вышел из вроде как бывшего цеха.

Чайхана была простенькой. Навес на стальном каркасе, журчащий неподалеку арык, дымящийся мангал с обмахивающим уголья пареньком, казан с пловом и такой же с шурпой, которыми заведовал мужик повзрослее, пяток столов и чуть колченогие скамьи. В большом пластмассовом тазу под колонкой отмокали бутылки с пивом.

– Что будешь, Сайора? Плов или шурпу? – Я поглядел на вытирающую влажной марлей стол пожилую узбечку: – Свободно? Садись, сейчас закажу.

– Шурпу и пару палочек шашлыка. И лепешки половинку, больше не надо. И, Леш, попроси чаю свежего, только хорошего зеленого. Пожалуйста. – Девушка улыбнулась мне, сверкнув жемчужными ровными зубами.

– Хорошо, – кивнул я и подошел к хозяину заведения. Заказал чашку супа, плов, пяток палочек шашлыка из баранины, салат из помидоров, лука и жгучего перца. Ну и само собой, взял у него чайник и пару пиал. Интересно, почему у всех чайников, которые я видел в чайханах, отколоты носики, и на них надет белый кембрик?

– Ну вот мы и в Ташкенте. – Я поглядел на улицу. – Смотри, белка!

По стволу дерева неторопливо спускалась большая серо-рыжая зверушка. Любопытно и с осторожностью посмотрев на нас, она замерла в ожидании. Пацаненок около мангала, заметив наше удивление, взял из чашки крупных белых семечек (узбекский подсолнух дает семечки белые или полосатые, намного крупнее, чем российский, но не такие жирные) и поднес открытую ладонь к дереву. Зверек доверчиво спустился и начал аккуратно и вежливо брать угощение. Набив полные щеки, белка ловко взобралась по дереву и длинным прыжком перескочила на соседнее, исчезнув в кроне.

– А откуда здесь белки? – удивленная Сайора повернулась к пареньку в грязно-белом фартуке.

– А их русские завезли в семидесятые из России, когда Сергели строили. Так и прижились. Но мало их, здесь сов много и ястребов. Возле домов еще живут, а в диких зарослях почти нет, – вместо моего ровесника ответил его отец, судя по всему. – Вы кушайте, приятного аппетита. – И узбек вернулся к своим котлам.

А мы с удовольствием то ли пообедали, то ли рано поужинали. Скорее поужинали. Поблагодарив, попрощались и решили пройти до магазина. Все едино, даже минералки нет или шоколадки. Нужно купить для перекуса что-нибудь.

– Леша, а что с нами будет дальше? – Девушка шла рядом, обкусывая мороженое. – Как нас отсюда переправят в Россию?

– Спроси что попроще, Сайора. Я тут без понятия, здесь столько рычагов надо задействовать. – На самом деле, я всю голову изломал, пытаюсь понять, как нас переправят через границы, как сделают паспорта. По всему выходило, что тех денег, которые есть у нас с учетом продажи домов, хватит на пару страниц. Сейчас сделать липовый паспорт можно, но для серьезных служб он на один укус. А погранцов я не считал олухами, тем более не считал ими милицию и бывшее КГБ. – Похоже, какие-то входы-выходы есть. Пошли, спокойно поспим. Я устал спать вполглаза, честно. Охота просто поспать. А здесь нас вряд ли найдут.

– Это точно, – кивнула девушка. – Я в Ташкенте частенько бывала, но даже не знала, что тут такие места есть.

– Ну, здесь все-таки почти три миллиона человек живет. Если хочешь спрятать лист – спрячь его в лесу. – Я все-таки зевнул. – Не, точняк, спать хочу, как из пушки.

– А я выспалась в дороге, – улыбнулась Сайора. Поглядела на кружащиеся листья с серебристого тополя, поймала парочку, несколько штук подняла с земли и с этим букетом или икебаной шла дальше. – Хочу посмотреть «Фабрику», громко. А то устала как мышка сидеть. Надо спросить у охранника.

1 октября 2006 года, понедельник, десять утра

– Так, ребяташки. – Анвар Шарипович уселся поудобнее в старом кресле и с легкой усмешкой поглядел на нас с Сайорой. – Вот теперь будем разговоры разговаривать. Как вы думаете, что вам предложил отец Алексея?

– Наверное, Россия? – неуверенно предположила девушка.

– Не знаю, – честно ответил я. – Долго думал. Россия – дорого. Там оформление встанет в дикие деньги. Украина? Или Молдова?

– Ребята, вы несколько наивны, – усмехнулся узбек. – Даже если отклонить то, что вас ищут серьезные люди, то перевезти и оформить двух малолеток без документов – очень и очень сложно и недешево. Нет, конечно, такую красотку, как Сайору, никаких проблем отвезти в Европу или Израиль без документов. Но вот ей быть рабыней-проституткой точно не понравится. – Девушка раздраженно фыркнула. – Легализовать вас сложно и дорого, но в принципе – можно. Но вот если знать, где и что искать, то вас найдут. Салиев знает тех, кто это знает и умеет. И потому ваши шансы погибнуть очень велики.

– Умеете вы обнадеживать, Анвар Шарипович. – Я сглотнул вдруг ставшую очень тягучей слюну.

– Умею, – согласно кивнул узбек. – И потому, Леша, на, прочитай.

И передо мной лег конверт. В нем оказалось письмо от отца и пачка столларовых купюр. Письмо было очень коротким: «То, что тебе скажут – правда. Жди меня в России. Отец». А вот денег было явно немало.

– Тут десять тысяч доллар, Алексей. Но это не самое главное. Главное, ребята, что я представляю такую организацию, как Орден. – Пожилой гэбэшник взял кружку с чаем, отпил глоток и поставил ее на стол.

– Какой Орден? – удивленно спросила Сайора. – Тамплиеров? Или каменщиков?

– Нет, не монахов и не масонов. Орден – организация, занимающаяся освоением и заселением открытого около двадцати лет назад американскими учеными нового мира, который назвали Новая Земля.

– Простите? – Мне показалось, что я ослышался. Ну не может же взрослый, даже скорее пожилой серьезный мужчина нести такую пургу?

– Да, извините, что вы сказали? – а это Сайорка. Ох и здоровенные у нее глазища, однако!

– Ребята, я серьезно. – Анвар Шарипович явно был доволен произведенным эффектом. – Уже примерно тридцать лет изучается иной мир и последние двадцать лет активно заселяется. Но все равно это одна из величайших тайн современности. Ордену совсем не нужен ажиотаж, толпы беженцев из Африки или еще откуда-нибудь. Напротив, он старается перетащить на Новую Землю людей в основном из Европы и Америки или из достаточно цивилизованных азиатских стран. Нет, из Азии тоже люди идут, но это не основа политики Ордена, он рассчитывает в основном на европейцев.

– Извините, но вы же узбек? – Сайора с явной подначкой спросила у нашего хозяина.

– Не совсем, девочка, – улыбнулся Анвар Шарипович. – У меня в предках сотник из армии Александра Македонского отметился, а вообще я иранец. Просто так в свое время случилось, что мои предки около двух веков назад были вынуждены переехать в Ташкент, тогда

еще маленький городок в Центральной Азии. Но это, в принципе, к делу не относится. Итак, продолжу. Орден ищет людей, готовых рискнуть и перебраться в Новый мир. Твой отец, Алексей, об этом узнал давненько и постепенно готовится к переезду. Потому он и смог выйти на меня. Обычно я сам отбираю людей, которые соответствуют требованиям Ордена и у которых есть причины покинуть эту планету.

– Э, так вы серьезно? – справившись с огромным удивлением, спросил я.

– Да, – кивнул узбек. – Ваша ситуация здесь очень сложная. Но Новая Земля – идеальный способ решить вашу проблему. Там вас точно никто не найдет.

– А что, там много народу уже? И все так и живут в скафандрах? – это Сайора заинтересовалась. И здорово заинтересовалась, она так пальцы ломать начинает, только если сильно волнуется.

– Там сейчас несколько миллионов человек. Эта планета позволяет людям жить спокойно, без дополнительных приспособлений в виде кислородных масок или скафандров, тамошняя атмосфера вполне себе комфортна для человека. Спектр звезды примерно соответствует Солнцу, сила тяжести такая же. Я особо много не знаю, но наши животные спокойно едят тамошнюю траву, а люди могут есть мясо и тех животных, и местных диких. Никто толком пока не знает, то ли это другой мир, то ли просто дальняя планета в нашем мире. Но, как вы небось понимаете, никто в этом мире толком не знает, что такое электричество, что не мешает нам пользоваться всеми приборами, работающими с электроэнергией.

Итак, ребята. Новый мир сообщается с нашим посредством Ворот Ордена. Одни из них есть в Ташкенте. Но вас, я так думаю, отправим, скорее всего, через Новосибирск. Примерно через двадцать дней я отправляю туда автобус с такими же, как вы, переселенцами. А пока живите здесь, можете даже по Ташкенту погулять.

Требований немного. Ни в коем случае не спускаться и не пользоваться метрополитеном. Не ездить на Ипподром, на Алайский рынок и на Куйлюк, там наиболее мощные наблюдательные системы. А так – пожалуйста, с девяти утра до трех дня – гуляйте. Мелкие рынки, я вам несколько магазинов специальной одежды дам, их посетите.

– А вообще, как там? – У меня было ощущение, что я стою на краю глубокой пропасти на тонком подвесном мосту. И хотелось поверить до жути, и не верилось.

– Нормально. Сложно, трудно, но нормально. И кстати, Сайора, там бы ваша семья просто пристрелила бы нападавших. Отношение к оружию и самообороне там взято из Америки.

Блин, как же хочется верить. Ну просто невероятно.

– А насчет недвижимости что? – у меня чуть-чуть рассудительности сохранилось, чтобы вспомнить о том, что остался дом, и отец обещал помощь с его реализацией.

– Документы у вас с собой? – Узбек едва заметно поморщился. Подождав, пока мы принесем ему домовые книги, права собственности и прочие бумаги, он быстро перебрал их и отложил себе на папку. – Отдам моим ребятам из бизнес-отдела. Завтра вам скажут цену, если согласитесь – получите наличные. Нет – торгуйте сами. Сильно рубить цены не будем, но учтите – дома горячие, с ними много мороки. Все?

– Нет. Анвар Шарипович, у меня здесь тетя и двоюродная сестренка. Больше у меня никого не осталось. – Сайора умоляюще поглядела на пожилого узбека.

– Девочка, тебе нужны лишние проблемы? Далеко не всегда стоит впутывать родственников. – Анвар Шарипович поглядел в глаза девушки, потом недовольно кивнул: – Поглядим, присмотримся. Но ничего не обещаю. Сайора, Новая Земля – не рай. Это часто дикое и сложное место, потому туда в основном едут такие, как вы – лишние здесь люди. Сами понимаете, тот, кому здесь хорошо, обычно не дергается. От добра добра не ищут.

И он ушел, оставив нас в полной прострации.

– Леша, ты в это веришь? – Сайора сидела на стуле, положив ладони на колени и неестественно выпрямив спину. Бледная и решительная. – Это невероятно, новый мир. Фантастика!

– Ну да. – Мне не захотелось разговаривать здесь. Почему-то вспомнились шпионские детективы, прослушка и прочее. – Пошли прогуляемся, тут Чирчик неподалеку. Подышим свежим воздухом.

– Леша, ты в это веришь? – Сайора облокотилась на старые перила железнодорожного моста и смотрела вниз, на разлившийся широкими ручьями Чирчик. Дальше, метрах в двухстах, вода этой речушки собиралась в узкое русло и ревела, превратившись в кипенно-белую пену. А здесь идиллия – прозрачная вода, камешки на дне, мелькающие тени форелей и маринков на дне. Крупных, надо сказать. Эх, нет времени на рыбалку.

– Не знаю, очень хочется. Отец сказал – верить. Надеюсь, что он прав. У нас на самом деле нет другого выхода, Сайора. Или нелегалы, или, скорее всего, трупы. И ты знаешь, мне совершенно неохота умирать. – Я поглядел на загрузившую девушку, облокотился на перила рядом. Мимо нас прогрохотал длинный состав, сделав невозможными разговоры на несколько минут.

– Ладно! – решительно выпрямилась Сайора. – Поскольку нам разрешается погулять по Ташкенту, я пошла обесцвечиваться. Давно хотела в блондинку перекраситься, но отец не разрешал. Тут вроде как дамский салон был, когда мы сюда ехали. Пошли, меня проводишь, да и сам пострижешься, а то красивый парень, а на голове воронье гнездо!

Пару дней мы ходили по огромному городу. На главный вещевого рынок Узбекистана, Ипподром, нас вместе не пустили, несмотря на то что Сайора на самом деле перекрасилась в блондинку. Непривычно, но симпатично. Пустили по раздельности и с сопровождающими нас лицами, теми самыми спокойными парнями. Точнее, я бы и не пошел в этот огромный людской муравейник, но мне просто приказала Сайора. Типа, рубашки-джинсы-трусы-носки там покупать в разы дешевле.

Через неделю нам принесли деньги за дома. Мне четыре тысячи долларов, Сайоре девять. Плюс за машину шесть. Узбек собрался было уходить, но Сайора его остановила и спросила:

– Анвар Шарипович, если есть возможность, можно мы на кладбища съездим? Попрощаемся?

– Нет, девочка. Нельзя. А то ты живо к родителям с братом присоединишься. Я попрошу ребят, они снимут на видео и привезут компакт-диск.

9 октября 2006 года, вторник, девять утра

Мы с Сайорой бродили по развалам блошиного рынка. Когда-то была знаменитая на всю Среднюю Азию Тезиковка, но в две тысячи первом ее перенесли сюда, в Янгиабад. Если честно, на Тезиковке я не был, но этот рынок меня впечатлил. Чего тут только не было. И старые картины, фарфор, ковры, древняя чугунная ванна на кованых лапах. Ее, кстати, купили на моих глазах и купили здорово дороже, чем если бы ее купили на металлолом. Развалы секунд хенда, навезенного из Европы, старые книги, пачками стоящие на расстеленных на земле газетах.

– Подожди, Сайора. – Я остановился напротив немолодой русской женщины, которая разложила на клеенке офицерскую, еще советскую форму, бинокль, фотоаппарат и десяток книг в древнем чемодане. Еще кое-что лежало у нее за спиной, в сумке.

– Скажите, пожалуйста, этот аппарат в какую цену? – Я с молчаливого разрешения хозяйки поднял с земли открытый кожаный чехол и достал из него армейский бинокль. Бинокль был в очень хорошем состоянии.

Хозяйка запросила цену, равную пятидесяти долларам, если суммы в «зелень» переводить. Я даже торговаться не стал, купил его. В магазинах такой стоит дороже в два-три раза. Потом под смешки Сайоры купил две офицерские плащ-накидки, совсем дешево, по паре тысяч сумов. Поглядел на «Зенит-Е».

– Бери его тоже, сынок. – Хозяйка вытащила из сумки за спиной коробку из-под обуви. – Вот, тут от мужа пленок осталось много, неиспользованных.

На самом деле, в коробке лежало с сотню пачек пленки, «шестьдесят пятой» и сто тридцатой». «Свема» и «Тасма».

– Его за полцены бинокля отдам, вижу, что в хорошие руки, – улыбнулась женщина.

– Бери, Леш. Нравится же, – толкнула меня в спину Сайора.

– Давайте. – Я отсчитал пачку сумов, протянул женщине.

– Может, и это возьмешь? – Она вытащила из сумки два потертых, но вполне живых кожаных патронташа бандольеро, под двенадцатый калибр. – Муж охотником был, вот осталось. И книжки.

Я обратил внимание на книги. Толстые, энциклопедического формата. «Настольная книга охотника-спортсмена», первый и второй том. И в отличном состоянии.

– Надо же, пятьдесят шестой год! – удивленно присвистнула сверху Сайора, глядя мне через плечо.

– За книги сколько хотите? – Я поглядел на смахнувшую тайком слезу отвернувшуюся женщину.

– По пятьдесят тысяч, сынок. За каждую.

Неплохо, почти пятьдесят долларов. Но книги запали мне в душу, и я вытащил из кармана деньги, но меня остановила Сайора.

– погоди, Леша. Возьмите, – она протянула хозяйке сотню бумажек по тысяче сум. – Это подарок, Леш. Возьми! – и она протянула мне книги.

– Спасибо. – Я был тронут, честно.

– Сынок, возьми патронташи, по пять тысяч за каждый, – женщина протянула мне их. Я подумал и купил их. Мало ли, может, пригодятся. Встал с корточек, прощаясь с женщиной, но был ею остановлен.

– погоди, сынок. – Она запаковала форму в упаковочный полиэтилен и протянула ее мне. – Возьми. Она новая, не ношенная. Полевая форма, офицерская, сталинская еще. Муж ее не успел поносить, новую ввели, так и лежала в шкафу. А он точно, как ты, был сложением. Пригодится, может быть. Бери на память, а то я ее никогда не продам. Спасибо вам, ребяташки, а я собираться буду.

И женщина, встав, начала складывать оставшиеся вещи в чемодан.

Ну а я упаковал все эти вещи в сумку-челночницу, изрядно набитую купленными мной и Сайорой разнообразными вещами, которые мы посчитали нужными для путешествия в другой мир. Пара компасов, артиллерийский и туристический, два комплекта американской формы на Сайору, которая была успешно сперта с американской базы. Комплект советской формы-афганки на меня, новенький, но весь пропахший нафталином. Два армейских котелка с фляжками внутри, кожаная офицерская планшетка. Даже малую пехотную лопатку купили, хотя для чего она нам, понятия не имею. Но решили взять. Учитывая, что это наш третий поход на данный рынок, список вещей плавно сдвигался по массе к центру. Впрочем, по моим прикидкам, если хорошо постараться, то мы упакуем это все в три сумки.

Вот только что с мотоциклом делать, понятия не имею. Как его с собой переть в Новосибирск? Или здесь оставить? Так ведь жалко, хороший аппарат, на ходу. Ай, ладно, погляжу. Стоит он всего пару сотен долларов, не больше.

– Так, Леш, домой? – Сайора поглядела на виднеющуюся неподалеку автобусную остановку, где сейчас стояло несколько частных извозчиков. Многие покупают автобусы на старых базах, восстанавливают их, и ездят по дорогам Узбекистана машины шестидесятых годов. – То есть в нашу промзону?

– Поехали. – Я достал из кармана платок и вытер лоб. Блин, жарко как! Не скажешь, что осень в самом разгаре.

– Потом ходим на Чирчик? Искупаемся? – Сайора запрыгнула в автобус.

– Почему нет? – Мы с ней уже пару раз ходили в сторону от промзоны километров за пять, там был небольшой пляжик, чистый, с мелким песочком. Раз такая осень, то почему бы не воспользоваться жаркими денечками?

Вернувшись, мы забросили сумки в мою комнату, потом разберем. Сходили перекусили, затарились чипсами и кока-колой и неторопливо пошли на пляж. Делать все едино абсолютно нечего.

– Леша, знаешь... – Сайора задумчиво потрогала воду кончиками пальцев и, решившись, зашла по пояс. В заливчике-то вода неплохо прогрелась, а на стремнине холоднющая. – Я бы с удовольствием киллера наняла отомстить Салиевым. Не знаешь, как это сделать?

– Ты не по адресу, Сайора. – Я сидел и любовался девушкой. – Я всего-навсего простой сельский парень.

– Ненавижу их! – с лютой злобой прошипела девушка. – Ненавижу и ничего не могу сделать.

– Ну, в принципе, можешь. – Я с задумчивостью вытащил из кармана одну из старых «Нокий», набрал номер. – Знаешь, я той ночью, когда тебя предупредил, что долго не буду, лазил по крышам.

– Я видела, – кивнула Сайора. – Я в окошко смотрела. Ты бидон для чего-то в рюкзак положил и его с собой попер. Тяжелый вроде как.

– Ну да, пуда полтора точно. – Я вспомнил ту мою вылазку и передернул плечами. Блин, ветрено, темень – глаз выколи, и холодный алюминиевый бидон в старом рюкзаке за плечами. Неудобно, страшно до жути. – Я Салиевым на чердак, там, где у них голубятня была, бомбу заложил.

– Ты что, серьезно? – Вообще, огромные темно-карие глазищи под светлой челкой очень смотрятся, право слово. – Ты заложил бомбу?

– Ну да, – кивнул я. – Слез потихоньку с орешины на соседней улице, на урючину влез через дорогу, на дувал, потом на крышу сарая. Я полпоселка так излазил, когда мать схоронил. Спать не мог, а так хоть адреналин мозги забивал. Так вот, там у Салиева со стороны его двоюродного брата окошко на чердак есть, где голубятня была. Помнишь, он пару лет назад каких-то белых держал, дорогущих? Теперь голубей нет, а место для них осталось, да еще открытое. Ну я туда бомбу и спрятал.

– А где ты ее взял? – Вышедшая из воды девушка закуталась в большое полотенце и присела рядом.

– Сделал. Селитра у меня была, древесный уголь тоже. Дымного пороха было полпачки, как иницирующий заряд пошел. Ну, а взрыватель из второй «Нокии» сделал. У них аккумулятор сама знаешь какой, он полгода пролежит, а звонок примет. – Я поглядел на телефон в руке. – Я злой тогда был на то, что отмудохали. А сейчас не могу решиться. У Салиева там невестки, мать, внуки.

– Дай сюда, – Сайора твердой рукой забрала у меня телефон и поглядела на номер, высвеченный на экране. – Как нужно, просто позвонить?

– Наверное, – кивнул я. – Я пробовал, вроде как работает.

– Бисмилля рахман рахим. – Сайора нажала кнопку вызова.

У телефона на экране заморгала трубка и надпись «Вызывает», раздался гудок. Потом появилась надпись «Вызов прекращен».

– И все? – У девушки подрагивали пальцы. По щекам текли слезы, но Сайора их не замечала.

– Наверное. – Я взял у девушки аппарат, попробовал еще раз позвонить на этот номер. Но «аппарат абонента выключен или находится вне зоны доступа сети». Размахнувшись, я изо

всех сил бросил телефон в Чирчик, где он булькнул метрах в пятидесяти от берега. – Пошли в нашу промзону, Сайора. На сегодня мы накупались. – И, встав, начал одеваться.

С другого берега налетел внезапно холодный ветер, заставив ежиться и ускорить одевание. Вскоре мы с Сайорой по едва натопанной тропке поднялись на высокий берег и вышли на старую дорогу, когда-то асфальтовую, от которой сейчас остались многочисленные выбоины, засыпанные крупной галькой из соседнего карьера. Там и сейчас рычал экскаватор, отсыпая грунт в кузова старых самосвалов. Ташкент строится, и таких полулегальных карьеров в окрестностях города хватает.

– Пошли на мосту постоим? – выйдя на железную дорогу, попросила девушка.

– Пойдем. – Мне самому очень нравится здесь. Красиво, народу немного, разве поезда постоянно проносятся. Да и идти вслед за Сайорой интересно, она сегодня надела легкую юбку, вроде бы длинную. Но сейчас ветрено, и ветер весело играет с тканью, заплетая ее вокруг стройных девичьих ног, а порой и резко вздымает подол чуть ли не до пояса. Красиво.

– Неужели я сделала это? – облокотившись на перила, как будто про себя промолвила девушка.

– Сделала что? – Я распотрошил упаковку российских семечек, отсыпал себе на ладонь и протянул Сайоре. – Будешь?

– Спасибо. – Она взяла немного, и пару минут мы молча лугали семечки, сплевывая шелуху с моста. Потом Сайора отряхнула ладони и посмотрела на меня. – Леша, я стерва? Я взорвала бомбу, и у меня нет сожаления об этом, только радость.

– Нет, наверное. – Я ссыпал семечки в карман. Разговор серьезный, лугать при этом семки у меня конкретности не хватает. – Кровная месть не нами придумана и не на нас закончится. Ты ударила как смогла.

– Но там же женщины, дети. У Салиева большая семья. – Сайора наклонилась над перилами, опустив голову. – Я убийца?

– Ну, мы с тобой оба уже давно убийцы. – Мне не нравился этот разговор. Совершенно. Настроение у этой красивой девчонки тоже не нравилось вообще. – А насчет женщин и детей – как ты думаешь, хоть кто-нибудь из них помог бы тебе? Спрятал бы от Салиева, не сказал бы ему о том, где ты? А? Шахнозка, например?

Сайора и младшая дочь Салиева занимались вместе шейпингом в Дустлыке. Насколько я знаю, вроде как не дружили особо, просто девушки одного круга.

– Не думаю. Она боготворит отца, считает его самым крутым в районе. Брата не одобряла, он, как она считает, позорит семью, но против отцовской воли никогда не пойдет. Да, ты прав, там самый младший племянник нам враг.

– Вот и относись к ним всем, как к лютым врагам. Тем более что ты имеешь на это полное право. – Меня, если честно, разозлили воспоминания. Из-за тех трех выродков и папаши старшего из них у меня рухнула налаженная жизнь, скрываюсь в другом городе, придется перебираться в другой мир (фаталити, неужели я в это поверил?!). Нужно было молча рвануть бомбу, не доверяя никому. И молчать.

– Ладно, пошли отсюда. Скоро стемнеет, не стоит шарахаться здесь в потемках. – Не то чтобы чересчур опасно, нет. Просто места безлюдные, разве рыбаки и охотники ходят, и то редко.

10 октября 2006 года, среда, одиннадцать часов двенадцать минут утра

Мы с Сайорой сидели в старом кабинете и смотрели «Фабрику звезд», когда услышали гулкие шаги по стальной лестнице, и через минуту в кабинет зашел Анвар Шарипович. Серьезный, если не сказать, что злой. Взяв у меня пульт, выключил телевизор и, сев напротив нас, поглядел по очереди на меня и на Сайору. Помолчал.

– Ребята, я понимаю, что это маловероятно, но мое чутье прямо-таки верещит о том, что это ваших рук дело!

– Какое именно, Анвар Шарипович? – очаровательно улыбнулась Сайора, похлопав ресницами. У нее здорово получается «блондинку» включать.

– Именно? Вчера вечером в вашем поселке взорвали дом вашего кровного врага, Салиева. Погибло семеро, раненых два десятка, сам Салиев в реанимации. Но, скорее всего, выкрутится. И понимаете, в чем дело, этим веселым семейным шоу занялось СНБ. Всеми серьезными взрывами занимается Служба Национальной Безопасности. А они перероят все, но найдут ниточки. Так что прямо и честно – ваша работа?

– Да. – Я поглядел в глаза старого, злющего узбека. – Это я изготовил и заложил бомбу и взорвал Салиевых.

– Леша, взорвала я. Не надо на себя все брать, – это вредная взбалмошная девчонка выпрямилась и прямо глядела в глаза полковника. Побледнела до такой степени, что стали заметны веснушки. Надо же, никогда их у нее не замечал.

Анвар Шарипович долго молчал, гоня желваки на скулах. Потом встал.

– Ваше счастье, что я всегда держу свое слово. Иначе вас бы закопали за Чирчиком, в тугаях, и никогда бы не нашли. У вас час на то, чтобы собрать вещи и упаковать их. Через два часа я переправлю вас через наши ворота на Новую Землю. И как вы будете выбираться с базы «Индия и Центральная Азия» – ваши проблемы. Сайора, твоя тетка может быть тебе обязана – я ее в любом случае отправлю за тобой и твоим взрывотехником через два дня после вас. Собирайтесь, время пошло. – И узбек вышел.

Я выдохнул и поглядел на побледневшую девчонку.

– Ну что, Сайора, пошли собираться? – В принципе, у меня все собрано и упаковано. Не сказать, что чересчур много вышло. Две сумки тряпок, средних таких, и сумка со всякой всячиной. У Сайоры вроде как побольше, но все едино, в коляску мотоцикла влезет. А вот я не спросил, мотоцикл взять можно?

В дверь зашел один из тех молчаливых парней, что привезли нас из Бурисая.

– Ну что сидите, ребята? Командир сказал, чтобы вы собирались.

– Извините, а мотоцикл можно с собой взять? – Может, он это знает?

Парень кивнул, соглашаясь.

– Можно. Можно и машину, только вы их не покупайте. База, на которую вас перебросят, находится за морем, вам до России придется добираться водным путем. Так что экономьте деньги. И это, суммы, которые у вас есть, потратьте здесь, по дороге к Куйлюку. На мороженое там, или еще что. Они вам там только на растопку понадобятся, там только конвертируемые валюты считаются. Ну и золото, но вам его никто не продаст. Давай, мальчишки-девочки, быстрее, четыре минуты уже прошло.

– У меня осталось около четырех миллионов сумов, я их просто не успею потратить. Может, в какой-нибудь магазин техники заедем? Столько мороженого мы просто не съедим. – Сайора нашла в себе силы улыбнуться.

Парень внимательно посмотрел на нее, что-то прикинул в голове. Потом сел напротив нас.

– Есть два ружья. Не новых, тульских. Двенадцатый калибр, ружья живые. Возьмете? В принципе, почти нормальная цена.

– Леша? – Девушка оглянулась на меня. – Возьмем?

– Патронов сотню дам, картечь. Русские, свежие. – Парень встал со стула. – Думайте скорее.

– Бери, Сайора, – я кивнул. В крайнем случае, отдам деньгами. А тут все-таки огнестрельное оружие. Я давным-давно мечтаю о ружье.

– Тогда вам отдадут их перед Воротами. Деньги отдадите там же. Пошли, ребяташки! – И нас вытолкали из кабинета.

Мы довольно быстро собрались, загрузили сумки в мотоцикл, а мотоцикл завели в знакомый «Дейли». И так прошел почти час. Сайора даже переодеться не успела.

– Ну что, готовы? Посидим на дорожку. – Парни присели в открытой боковой двери микроавтобуса, мы с Сайорой сели на грубую скамью возле выхода. Молча посидели с минуту.

– Все, пора. – Молчаливые и малоразговорчивые встали, подождали, пока мы не сели в салон, закрыли дверь. Щелкнул замок. Оба на! Боятся, что сбежим, что ли?

Парни спокойно уселись впереди, один обернулся вполоборота, чтобы контролировать нас, второй завел двигатель, и мы выехали сначала из цеха, а потом и из промзоны. Мелькнули дома Сергелей, потом пустырь, отделяющий микрорайон от Ташкента. Перекресток, Ташкентская обводная дорога, снова какая-то промзона. Сзади закрылись выкрашенные грубой краской ворота, древние, как навоз мамонта.

– Выходите! – В открывшуюся дверь заглянул Анвар Шарипович. – Вывозите свой мотоцикл. Слушайте внимательно! Заезжаете на платформу, ждете. На желтый сигнал все глушите и сидите тихо, как мыши. На зеленый выдохнули, замерли. Дернетесь – умрете и умрете плохо. Как пройдет, можете заводить мотор и дышать. Впрочем, вам все расскажут. Там. Давайте, ваше время в этом мире истекает. – И узбек отошел в сторону.

Молчаливые открыли задние двери фургона, откинули аппарель. Помогли мне вытолкать мотоцикл. Вручили два старых оружейных чехла, один из брезента, второй кожаный, четыре пачки патронов «СКМ-индустрия», забрали у Сайоры деньги. Блин, проверить ружья негде. Облом.

Заведя свой «Урал», я заехал на грубо сваренную из довольно ржавого профиля платформу. Заглушился. Сзади на сидение уселась Сайора и крепко ко мне прижалась. Настолько, что я слышал, как часто стучит ее сердце. Тут-тук-тук...

Желтый свет фонаря. Между столбов грубо сваренных и окрашенных Ворот появилось серебристое марево. Налилось свечением, тихо загудело.

– Мамочка! – пискнула сзади девчонка и крепко обняла меня со спины, спрятав лицо у меня между лопатками.

– Зеленый! Замри, Сайора! – Я глубоко вздохнул, задержав дыхание. Платформа медленно тронулась, исчезая в серебряном колыхающемся зеркале. Вот передняя вилка вместе с колесом исчезла, жидкое серебро поглотило приборы, бак. Мои глаза, огромные, мерцающие, встретились с моими же, сквозь меня прошло непонятное, очень странное ощущение, и я зажмурился от сияющего солнца, бьющего в открытые ворота. Сзади снова пискнула девушка.

***40 день третьего месяца, 23 год, 12:03,
понедельник. База «Индия и Средний Восток»***

– Вы по-русски понимаете? – На нас смотрел молодой солдат с американским автоматом. – Понимаете?

– Да, – неуверенно ответил я.

– Тогда заводи мотор своей колымаги и съезжай с платформы. И за мной! – Солдат вышел на улицу.

Мотоцикл, вопреки моему опасению, заработал сразу и ровно, я неторопливо съехал с эстакады и по белой, начерченной на бетоне полосе, выехал на улицу. Солдат отвел нас на огороженную сеткой-рабицей площадку и подождал, пока я заглушу движок мотоцикла и мы чуть-чуть осмотримся.

А вокруг все чужое, непривычное. Душная, влажная жара, пышная зелень высоченных деревьев, возвышающихся за бетонным забором, крики животных или птиц. Между бетонных плит, которыми выстлана площадка, выбивается сочная трава, стриженная триммером.

– Чем накрыть есть? Скоро ливанет, зальет тебе всю коляску. – Солдат посмотрел на меня и Сайору. – Ну, полиэтилен там или еще что? Очнитесь, люди! Вы что, в себя прийти не можете?

– Капрал Симонов, успокойтесь. Идите занимайтесь своими делами. – Сзади неслышно подошла слегка полная женщина, шатенка лет сорока-пятидесяти. Песочная форма, в отличие от солдата, без разводов пота, малиновый берет на голове, коричневые кроссовки на ногах. По-русски она говорила с едва уловимым акцентом.

– Есть, мэм! – Парень кинул ладонь к своему берету, повернулся и пошел обратно в ангар или еще что-то, ну откуда мы выехали.

Только тут я обратил внимание, что над воротами написано «Tashkent». Дальше еще были, но уже вроде как индийские города. Какие-то надписи были и перед этими воротами, но мне отсюда не видать.

– Итак, молодые люди, поздравляю вас с прибытием на Новую Землю и Базу Ордена «Индия и Средний Восток». Меня зовут Ванга, я служащая Ордена. Извините, но сначала вопрос из соображений безопасности. У вас есть оружие? Все оружие на Базе, не принадлежащее служащим Ордена, должно находиться в опечатанных кофрах.

– У нас оно в оружейных чехлах. – Я вытащил из коляски увесистые чехлы.

– Годится. – Женщина пропустила проволоочки в ременные петли и запечатала наши ружья пломбами. – Позвольте повторить совет капрала – если есть чем, накройте ваше транспортное средство, буквально через пятнадцать-двадцать минут начнется сильнейший ливень. Я подожду. Девушка, вы можете побыть со мной, ваш кавалер наверняка сам управится. Насчет воровства здесь – не беспокойтесь, именно здесь, в европейском секторе Базы, все будет цело. А вот в арабском или индийском уже отвечать за что-либо невозможно. В городе Нью-Дели и вообще в здешних местах зевать категорически не рекомендуется, утащат все вместе с вашей головой и потрохами.

– Извините, а там же вроде как индийские города написаны? – я кивнул на ряд ворот.

– И индийские, и пакистанские, и Индонезия есть, и Бирма. Но народ оттуда сразу переводят в свой сектора, примерно вот так, посмотрите. – И женщина кивнула на группу из двух десятков вооруженных бородатых мужчин в чалмах. Сикхи, встречал пару раз в Дуслыке.

Из открывшихся ворот хлынула прямо-таки толпа народу, человек двести-триста. Женщины, дети, мужчины. Все с сумками, узлами. Шум, гам, крики.

Сикхи мгновенно построили эту толпу, работая безо всякого стеснения резиновыми дубинками и даже вроде как электрошокерами. И чуть ли не строем двинулись направо от нас, прошли сквозь открывшиеся в глухом бетонном заборе ворота и исчезли.

– На Базе три сектора: Арабско-мусульманский, индийский и технический. Европейцы вроде вас живут в техническом секторе. – Женщина посмотрела на меня, стоящего с открытым ртом. В этот момент Сайора указательным пальцем приподняла мне нижнюю челюсть. Я звонко клацнул зубами от неожиданности, покраснел и пошел укрывать мотоцикл. Хорошо, что кусок плотного полиэтилена всегда в коляске лежит, вот и пригодился, да и армированный скотч тоже.

Пока я укрывал коляску, Ванга и Сайора стояли и о чем-то негромко разговаривали. Вообще, на стоянке было маловато машин, для такой здоровенной. Несколько КамАЗов, три микроавтобуса «Ивеко-Дейли», примерно такие же, на котором нас привезли из Атласабада в Ташкент, пара совершенно незнакомых внедорожников, с совершенно незнакомыми фирменными значками.

– Закончили? В таком случае пройдемте за мной. – И женщина спокойно, но быстро пошла в сторону приземистого, напоминающего крепость здания.

– Алеша, она сказала, чтобы мы называли возраст не меньше восемнадцати лет. Тогда мы будем считаться взрослыми и самостоятельными. – Сайора громко прошептала это, идя рядом со мной.

– Что, прям именно так и сказала? – я вытер пот рукавом рубашки. Духота какая!

– Ну, намекнула. Иначе мы на владение оружием не имеем права. – О, а вот это серьезно! Ради того, чтобы владеть ружьем, можно и приписать годик-другой. Тем более что я вымахал, слава богу, да и Сайора выглядит совершенно взрослой девушкой и очень красивой. Я с усилием отвел глаза от выреза на футболке Сайоры, в котором виднелись вполне взрослые сиськи. По крайней мере, у Алсу точно поменьше были. – Тогда мне восемнадцать с половиной.

– А мне восемнадцать только исполнилось, – согласно кивнула Сайора. – Неделю назад.

– Ну и слава богу.

Мы подошли к бронированной двери с камерой сверху. Женщина провела карточкой по прорези считывателя, красная лампочка над дверью сменилась зеленой, и коротко, разрешающе гуднул зуммер.

Внутри было прохладно, лампы дневного света придавали широкому коридору этакий вид какого-то секретного центра. Хотя если подумать, то, на самом деле, вполне себе секретного. Никто на Земле не знает об этом. Точнее, мало кто знает, поправил я сам себя.

Коридор кончился широким холлом, перегороденным широкой стойкой. За ней стояло несколько столов, где работали люди в такой же форме, как и Ванга, которая откинула полку, зашла за эту стойку и встала напротив нас около какого-то терминала.

– Итак, молодые люди, еще раз приветствую вас на Новой Земле. Вы знаете, что это проект Ордена? – Мы согласно кивнули. Ванга продолжила: – Сейчас я сделаю вам Ай-Ди, и вы станете полноправными членами нашего общества. Пожалуйста, девушка, можете причесаться, да и вы, молодой человек, можете привести себя в порядок, сейчас будете фотографироваться. Вон зеркало, в углу.

Сайора, услышав про фотографию, метнулась к зеркалу, вынимая из сумочки косметичку размером примерно с сумочку. Ну а я просто вытащил из заднего кармана складной гребешок, поправил воротник простой хлопчатой рубашки, светло-зеленой в серую клетку. Пойдет. Усов еще толком и не видать, я пока даже не бреюсь.

В общем, я уже рассматривал кусочек горячего пластика со своей фоткой, каким-то смутно знакомым глазом на пирамиде, штрихкодом и шестнадцатидигитальным номером, когда Сайора только подошла к Ванге, чтобы сфотографироваться. И стоило столько возиться, чтобы чуть поправить челку и подкрасить губы? Ресницы и брови Сайора не трогает, они у нее такие, что любая супер-пупер модель позавидует. Кстати, Сайора тоже не стала менять имя и фамилию, хоть ей это и предлагали, как и мне.

– Так, теперь позвольте предложить вам купить путеводитель, карты и часы. Сразу, предупреждая вопросы, – здесь, на этой планете, день состоит из тридцати часов, а в последнем часе семьдесят две минуты. – Ванга позволила нам переварить эту новость. После чего мы купили комплект карт, путеводитель и пару электронных, простых и, по словам служащей, очень надежных часов. Я свои надел на руку, спрятав «Командирские» в карман, а Сайора убрала в сумочку. Сказала, что они страшные, как атомная война. Хотя, по мне, просто функциональные.

– Так, сейчас я вас отведу в санчасть на прививки и медосмотр, а потом в банк. У вас есть свободно конвертируемая валюта со Старой Земли, не так ли? – Ванга внимательно поглядела на нас. – Учтите, поменять ее на валюту здешних земель вы можете только у нас. Курс стандартный – три и три десятых доллара за одно экю.

В общем, нас отвели в медблок, где несколько раз кольнули, дали выпить какой-то микстуры, осмотрели и выпроводили, занеся данные в компьютер.

В банке нам без проволочек обменяли доллары и евро на местные пластиковые банкноты. Я было возмутился, так мне предложили взять золотом. И вытащили из кассы пластиковый пакет, где позванивали золотые кругляши.

– Двадцать эю, вес монеты два грамма. Вообще мы принимаем и драгоценные металлы и, после оценки ювелиром, драгоценные камни. Если у вас они есть – мы готовы их в любой момент и в любом отделении Банка Ордена принять. По десять эю за грамм золота, остальное по сегодняшним ценам лондонской биржи. Ну, минус одна десятая за обмен валют. – Симпатичная молодая женщина примерно лет тридцати улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.